

В. И. БИЛЛИК

НЕКОТОРЫЕ ВОПРОСЫ ИСТОРИИ СОВЕТСКОГО ОБЩЕСТВА 1917—1920 гг. В ОСВЕЩЕНИИ НЕМЕЦКИХ БУРЖУАЗНЫХ ИСТОРИКОВ

Буржуазная историография играет серьезную роль в формировании общественного мнения в капиталистических странах.

Историческая литература имеет значительно более широкую читательскую аудиторию, чем литература по другим общественным дисциплинам (философия, социология), и ее воздействие на умы людей начинается со школьной скамьи.

Идеологической основой буржуазной историографии истории советского общества является антикоммунизм в той или иной форме. Буржуазные историки — противники советской демократии. Именно с позиций буржуазной лжедемократии чаще всего производятся буржуазными историками атаки на сущность и на достижения советского социалистического общества. Поэтому критика буржуазной историографии — одна из важнейших задач на фронте борьбы с буржуазной идеологией.

Изучение истории и современного положения СССР и стран Восточной Европы выделилось в Федеративной Республике Германии в особую отрасль исторической науки — так называемое «изучение Востока», «остфюршунг». Корни этой лженауки уходят к 90-м годам XIX века, а ее ответвление, изучающее историю СССР с 1917 г. и современное положение СССР, называется в ФРГ «советфюршунг», «советкунде».

Организационная структура «остфюршунг», сложившаяся в основном в Веймарской республике, значительно расширившаяся при фашизме и получившая еще большее развитие с начала 50-х годов в ФРГ, представляет собой в настоящее время в Западной Германии широко разветвленную сеть специальных научных институтов, отделений при различных научных институтах, научных институтов при университетах, научных обществ, кафедр, советов и семинаров, исторических комиссий, кружков, архивов, библиотек, издательств, курсов и т. п. Эта система теснейшим образом связана с бюрократическими правительствен-

ными учреждениями и с монополистическими кругами, финансируется ими и обслуживает своими научными трудами их интересы.

В духе, соответствующем интересам германского реваншизма, вопросы современного развития и истории стран Восточной Европы и СССР преподносятся с кафедр многих высших учебных заведений Федеративной Республики Германии, а история этих стран в грубо искаженном виде преподается в школах («Ostkunde»).

Концепции «остфоршеров» подробно рассмотрены в марксистской литературе, главным образом в работах историков Германской Демократической Республики. Итоги этих работ освещены в статье М. Р. Тульчинского «Историки ГДР в борьбе против западногерманского остфоршунга».¹

В настоящей статье рассматривается трактовка некоторыми немецкими буржуазными и реформистскими историками ряда вопросов истории СССР 1917—1920 гг. Основное внимание обращено на вопросы: политические предпосылки и причины Февральской и Великой Октябрьской социалистической революций; начало социалистического строительства в Советской России и роль народных масс в великих исторических событиях 1917—1920 гг. Позиции немецких буржуазных историков по этим вопросам принадлежат к числу наименее освещенных в марксистской историографии.²

В результате упорного труда и успехов советских людей во всех областях человеческой деятельности, в итоге роста могущества и авторитета Советского Союза на международной арене реакционными буржуазным политикам и ученым становится все труднее и труднее замалчивать или искажать эти успехи и живо изображать путь, пройденный советским народом. Под давлением фактов буржуазные и реформистские историки часто вынуждаются к тому, чтобы *отдельные* вопросы истории советского общества и, в частности, некоторые вопросы истории Великой Октябрьской социалистической революции освещать более или менее в соответствии с действительностью. Это служит реакционным историкам даже необходимым средством, чтобы уверить читателей в капиталистических странах в своей якобы объектив-

¹ История СССР, 1961, № 4, стр. 204—209; См. также: Б. Спиру (ГДР). Западногерманские остфоршеры на службе политики реваншизма. История СССР, 1960, № 1, стр. 237—250; В. И. Салов, М. Р. Тульчинский. Мюнхенский институт Восточной Европы на службе боннской реваншистской политики. Вопросы истории, 1960, № 12, стр. 164—174.

² См.: А. З. Ваксер и Л. Ф. Скляр, Против извращения истории классовой борьбы в СССР при переходе к НЭПу. В сб.: Критика новейшей буржуазной историографии. М.—Л., 1961.

ности и завоевать их доверие, без чего невозможно было бы заставить этих читателей поверить им в других, наиболее важных в холодной войне вопросах, которые искажаются буржуазными историками в угоду своим предвзятым антикоммунистическим воззрениям.

Вынужденные признания наиболее враждебных авторов также представляют собой в некоторых отношениях несомненный интерес. Эти признания могут и должны быть использованы для доказательства противоречивости, ошибочности или лживости других утверждений в их работах.

Задача настоящей статьи состоит не только в том, чтобы, информируя советских читателей о взглядах некоторых немецких буржуазных и реформистских историков по рассматриваемым вопросам истории СССР 1917—1920 гг., подвергнуть эти взгляды критике, но и в том, чтобы сделать критику этих взглядов убедительной и для читателей, которым непосредственно предназначаются критикуемые книги, т. е. для читателей в капиталистических странах.

Для более успешного осуществления этих задач целесообразно сосредоточить внимание на нескольких работах из числа наиболее значительных в немецкой буржуазной историографии с 1919 по 1960 г. с тем, чтобы иметь возможность наиболее обстоятельно разобрать выводы и аргументы каждого автора, охарактеризовать использованные им источники и выявить свойственные буржуазным историкам противоречия. Разумеется, в соответствии со спецификой историографической критики *подробное* изложение с марксистской точки зрения тех проблем, о которых идет речь в данной статье, не входит в нашу задачу. Проблемы эти глубоко и всесторонне освещены В. И. Лениным³ и разработаны в советской исторической науке.⁴ Рассматриваемые в статье вопросы освещались также и в выступлениях руководящих деятелей немецкого рабочего класса и в немецких марксистских исторических трудах.⁵

³ См.: В. И. Ленин. Соч., тт. 24—33.

⁴ История Коммунистической партии Советского Союза. М., 1959; История гражданской войны в СССР, т. 1, изд. 2-е, М., 1938; т. 2, М., 1947; т. 3, М., 1958; История СССР. Эпоха социализма. М., 1958; Октябрьское вооруженное восстание в Петрограде. Сб. статей. Изд. АН СССР, М.—Л., 1957; Установление Советской власти на местах. Сб. статей, вып. 1, М., 1953; вып. 2, М., 1959; Е. Д. Черменский. Февральская буржуазно-демократическая революция 1917 г в России. М., 1959; Документы: Декреты Советской власти, т. I, М., 1957; т. II, М., 1959, и др. Остальная литература и материалы, на которые мы опирались, указываются ниже.

⁵ E. Thälmann. Der 7 November — eine neue Geschichtsepoche. In: E. Thälmann. Reden und Aufsätze zur Geschichte der deutschen Arbeiter-

Поскольку в немецкой буржуазной историографии почти нет книг, темой и содержанием которых были бы только Октябрьская революция и гражданская война, в статье рассматриваются те работы о Советской России, в которых перечисленные проблемы занимают значительное место.

В буржуазной литературе по историографии Октябрьской революции и истории советского общества авторы исторических сочинений ограничиваются преимущественно весьма поверхностным описанием событий, без или почти без ссылок на источники, и совершенно произвольными рассуждениями по многим вопросам. В этом смысле нет особых различий между «Историей русской революции» А. Фрайтаг-Лорингхофена, опубликованной в 1919 г., и изданными в 50-е годы книгами Е. Ханиша «История Советской России», Г. Рауха «История большевистской России», П. Зете «Краткая история России», И. Неандер «Основные черты русской истории», Г. Хильгера «Сталин. Превращение СССР в мировую державу», И. Бирибаума «Краткая история Советского Союза».⁶ Книги Е. Ханиша и Г. Рауха, в которых более подробно (по сравнению с тем, что опубликовано в ФРГ до 1960 г.) рассматриваются выделенные в статье вопросы, включены в настоящий обзор. Принципиально остальные из названных книг ничем от этих двух не отличаются. Поскольку большинство книг буржуазных авторов, в которых речь идет о проблемах Октябрьской революции и истории советского общества, рассчитано на широкие круги читателей, в настоящей статье рассматриваются лишь книги этого рода.

Статья не претендует на характеристику германской историографии Октябрьской революции в целом, так как критика нескольких авторов недостаточна для исчерпывающих выводов о направлениях и оттенках в немецкой буржуазной историографии по проблемам революции в России. Однако в статье представлены основные точки зрения прежде всего по вопросу о роли народных масс в революции, а то, что является общим

terbewegung, Bd. I. Berlin, 1955, S. 265—276; K. Zetkin. Die Grosse Oktoberrevolution. In: Rote Fahne, 6 XI 1927; F. Heckert. Der Aufstieg zum Sozialismus. Zum 7 November 1929. In: Internationale Presse-Korrespondenz, 5 XI 1929, S. 2433—2434; Fünf Jahre Wirtschaftspolitik in Sowjetrussland. In: Kämpfer, Chemnitz, 7 XI 1922; Illüstrierte Geschichte der russischen Revolution. Berlin, 1928; Illüstrierte Geschichte des Bürgerkrieges in Russland. Berlin, 1928.

⁶ E. Hanisch. Geschichte Sowjetrusslands. 1917—1941. Freiburg, 1954; G. v. Rauch. Geschichte des bolschewistischen Russlands. Wiesbaden, 1955; P. Sethe. Kleine Geschichte Russlands. Frankfurt am Main, 1953 (1. Auflage 1940); I. Neander. Grundzüge der russischen Geschichte. Darmstadt, 1958; G. Hilger. Stalin. Aufstieg der UdSSR zur Weltmacht. Göttingen, 1959; I. Birnbaum. Kleine Geschichte der Sowjetunion. Frankfurt am Main, 1960.

для всех разбираемых нами авторов, господствует в немецкой буржуазной историографии в целом. Стремление выявить различные взгляды на роль масс в революции и намерение проследить дальнейшую эволюцию этих взглядов обусловило, в частности, выбор для критического анализа работ А. Фрайтаг-Лорингхофена и Г. Экардта.

В обзор также включена книга ренегата Артура Розенберга «История большевизма от Маркса до современности»,⁷ — прежде всего потому, что она оказала и продолжает оказывать большое влияние на всю немецкую буржуазную историографию Октябрьской революции и истории советского общества. Работа Розенберга, выдержанная в духе искусно прикрытой фальсификации, отличается от буржуазной историографии лишь чисто словесным, формальным признанием социализма и марксистской фразеологией.

* *
*

Первой попыткой в немецкой буржуазной исторической литературе дать систематическое ретроспективное описание и объяснение событий Великой Октябрьской социалистической революции является книга А. Фрайтаг-Лорингхофена «Русская революция».⁸ Книга вышла в 1919 г., и сам автор назвал ее «историческим исследованием, наступающим на пятки современным событиям». Об источниках, которыми он пользовался, автор предпочел умолчать, но, судя по содержанию книги, среди них не было советских.

Фрайтаг-Лорингхофен не оставляет у читателя ни малейших сомнений насчет своего воинствующего антибольшевизма, не останавливаясь перед самой грязной клеветой на большевиков. Тем не менее он вынужден сделать ряд признаний о растущем

⁷ A. Rosenberg. Geschichte des Bolschewismus von Marks bis zum Gegenwart. Berlin, 1932.

⁸ A. Freitag-Loringhofen. Geschichte der russischen Revolution, Bd. I. München, 1919. А. Фрайтаг-Лорингхофен (1878—1942), выходец из среды немецкого прибалтийского дворянства, профессор права, до революции вел преподавательскую работу в России, а в 1917 г. оказался юридическим советником командования немецкой армейской группы «Ост». С 1918 г. профессор университета в Бреславле (ныне Вроцлав). Помимо рассматриваемой книги, Фрайтаг-Лорингхофен — автор антисоветской статьи «Russland» в справочнике «Politisches Handvörterbuch» (Leipzig, 1923), редактор двух сборников о законодательстве Советской власти: Gesetzgebung der russischen Revolution, Halle, 1920; Entwicklung des Bolschewismus in seiner Gesetzgebung, Halle, 1921, и автор ряда политических и исторических «трудов» по другим вопросам, написанных с крайне реакционных позиций.

влиятельности партии большевиков в ходе революции и о полной неостоятельности Временного правительства, буржуазных и соглашательских политических партий.

О социальных отношениях и расстановке классовых сил в России он говорит лишь следующее: «... то, что аграрный вопрос — центр тяжести всех русских экономических и политических проблем — давно общепризнано... то, что в России нет буржуазии в собственном смысле, — общеизвестно». Вместе с тем он упоминает о революционности русского рабочего класса, особенно в Петрограде.⁹ Каким образом в России могла отсутствовать буржуазия при наличии рабочего класса — автор не объясняет.

Фрайтаг-Лорингхофен вскользь упоминает о том, что причины революции коренились в русской общественной жизни: «Революция 1905 г. была побеждена, — пишет он, — но не мертва... Ее можно было бы победить, если бы были проведены планомерные реформы, но это не было сделано» (стр. 5, 6). Почему это не было сделано, Фрайтаг-Лорингхофен также не поясняет, хотя и говорит, что царское правительство было враждебно народу (стр. 10). По-видимому, он относит это за счет «ошибок» тех, кто стоял у власти, ибо в противном случае он должен был бы сказать о классовых корнях реакционной и косной политики русских правящих кругов.

Политика Керенского, по мнению Фрайтаг-Лорингхофена, характеризовалась той же «трагической половинчатостью, что и политика князя Львова. Такое же бессилие, колебания, боязнь масс». Гибель Керенского после московского государственного совещания Фрайтаг-Лорингхофен считает неизбежной (стр. 149). «Октябристы, кадеты, националисты, прогрессисты» — все они, по словам автора, были «интеллигенты, представители своего класса, чуждые народу» (стр. 203—204, курсив мой, — В. Б.). Автор рассматривает буржуазно-помещичьих политических деятелей как представителей особого «класса» интеллигенции. Однако даже при таком ненаучном понимании классов ясно, что существование «класса» чуждой народу интеллигенции возможно только в развитом буржуазном обществе, интересы которого эта интеллигенция в своем подавляющем большинстве обслуживает и выражает. Разве, настаивая на продолжении войны, сопротивляясь проведению назревших коренных аграрных и социальных преобразований, отказываясь удовлетворить требования крестьян и рабочих, эти «чуждые народу» интелли-

⁹ A. Freitag-Loringhofen. Geschichte der russischen Revolution, S. 42, 48, 38. В дальнейшем ссылки на все рассматриваемые работы, за отдельным исключением, даются в тексте.

генты не защищали интересы помещиков, капиталистов, банкиров?

О меньшевиках и эсерах Фрайтаг-Лорингхофен говорит как об уменьшенной копии Керенского (там же), а в § 23 своей книги, посвященном большевикам, он задается вопросом: «Кто же те, чьих имен Европа еще немногим более года назад не знала и перед которыми теперь дрожит мир?». И сразу начинает с невежественных и голословных утверждений, называя Ленина «„анархо-коммунистом“, отошедшим от Маркса и находящимся под влиянием Бакунина» (стр. 101).

Все это пишется несмотря на то, что резко отрицательное отношение партии большевиков к теории и тактике анархизма и идейная борьба с этим ошибочным и вредным для интересов рабочего класса политическим направлением в рабочем движении России и Запада проходят красной нитью сквозь всю историю большевизма. Достаточно обратиться к трудам В. И. Ленина, чтобы убедиться в этом.¹⁰

Со злобой признает Фрайтаг-Лорингхофен рост влияния партии большевиков в период от февраля к октябрю 1917 г., отмечая умение большевиков учиться на своих удачах и неудачах. «Большевики обещали народу хлеб и мир, будили дремавшие анархистские страсти» (стр. 105), — пишет он, называя анархизмом борьбу народа за свои жизненные интересы. Параграфы, посвященные обстановке в России накануне Октябрьской революции, Фрайтаг-Лорингхофен клеветнически озаглавил «Анархия» и «Победа хаоса», выразив этим свое враждебное отношение к массовому революционному движению, к борьбе народа против эксплуататоров.

Сообщая о ряде выступлений крестьян в провинции (по данным русской буржуазной прессы), Фрайтаг-Лорингхофен вынужден признать, что только одни большевики выполняли практическую позитивную работу. Далее он пишет, что лишь большевистская партия сумела организовать, возглавить крестьянское движение (стр. 192). Этому вынужденному признанию противоречат, однако, заключительные голословные и клеветнические утверждения Фрайтаг-Лорингхофена о том, что Октябрьская революция «была анонимной революцией, без вождей. Ни один человек с волей и способностью не оказал влияние на ее направление». Одновременно Фрайтаг-Лорингхофен вынужден признать, что «русская революция разыгралась с неумолимой последовательностью... То, что произошло, произошло с железной логикой по воле масс» (стр. 202).

¹⁰ См.: В. И. Ленин, Соч., т. 5, стр. 300—303; т. 8, стр. 439—443; т. 15, стр. 171—173; т. 25, стр. 401—411, и ряд других.

Руководящая роль в Октябрьской революции партии большевиков, программа и дела которой соответствовали требованиям и чаяниям народов России, — факты настолько общепризнанные даже в реакционной буржуазной историографии (см. об этом ниже), что опровергать лживое утверждение Фрайтаг-Лорингхофена о том, что Октябрьская революция «была анонимной» и «не имела вождей», нет необходимости. Современник революции Фрайтаг-Лорингхофен настолько растерялся перед лицом активности народа, что у него вырвалось: «...не вожди большевиков пришли к господству, а массы сами...» (стр. 206). Однако такое мнение, как не соответствующее интересам буржуазии в ее борьбе с коммунизмом, не закрепилось в буржуазной историографии, в том числе и в работах самого Фрайтаг-Лорингхофена. Уже в 1923 г., в статье «Россия», опубликованной в немецком энциклопедическом «Политическом словаре», Фрайтаг-Лорингхофен забыл все свои вынужденные признания и его объяснение политического кризиса в России свелось к клевете на Октябрьское вооруженное восстание, которое якобы победило потому, что «Керенский говорил вместо того, чтобы действовать, а попытка Корнилова восстановить порядок потерпела неудачу».¹¹

* *
*

Одним из наиболее подробных очерков истории революции и первых лет Советской власти в России, опубликованным в Веймарской Германии, является вышедшая в 1930 г. книга гейдельбергского экономиста и теолога Ганса Экардта «Россия», в которой периоду с 1917 г. посвящены введение и последние три главы.¹² Во введении, озаглавленном «Смысл революции», автор пишет, что «положение в России перед войной было невыносимым в духовном, политическом, социальном и экономическом отношениях» и что «последние (перед революцией, — В. Б.) де-

¹¹ Politisches Handwörterbuch, Bd: 1, Leipzig, 1923, S. 518. Издания подобного рода весьма распространены в ФРГ и представляют собой один из основных источников, из которых широкие круги читателей черпают свои «знания» по общественно-политическим вопросам.

¹² H. Eckardt. Russland. Leipzig, 1930. Г. Экардт (1890—1957) родился в Риге, учился в России и Германии, где в начале 20-х годов начал заниматься журналистикой и преподавать в Гамбургском и Гейдельбергском университетах, специализируясь в области экономических проблем Советской России. В период фашизма от преподавания был отстранен и возобновил работу в Гейдельбергском университете в 1946 г. После второй мировой войны опубликовал книгу: «Русское христианство» (1947) и ряд других работ.

ятилетия русской истории характеризуются массовой революционной борьбой во имя осуществления необходимости; проявившиеся при этом стремления и тенденции, вспышки и усилия соответствовали общему направлению развития нашей эпохи» (стр. 1).

Казалось бы, что эти утверждения свидетельствуют о понимании Экардтом того непреложного обстоятельства, что революция в России разразилась в соответствии с объективными законами истории. Тем не менее исход революции (как мы увидим дальше) он ставит в зависимость от случайностей.

О Февральской революции Экардт пишет как о стихийном восстании, возникшем в момент полного бессилия царских властей. «За восстанием стояли организованные рабочие массы, хотя и в небольшом числе, инспирированные и направляемые Керенским и Чхеидзе» (стр. 279). На основании каких источников сделал Экардт подобное, ничего общего с действительностью не имеющее заявление, неизвестно. Даже сами меньшевики и эсеры не пытаются в мемуарах представить своих лидеров в качестве вождей народного восстания, свергнувшего самодержавие. «Революция застала нас, тогдашних партийных людей, как евангелических неразумных дев, спящими», — пишет видный эсер С. Мстиславский.¹³ Меньшевик Н. Суханов вспоминает, что 27 февраля в помещении только что созданного Петроградского Совета «меньшевики виднелись около недоумевающей фигуры Чхеидзе, от которого в ответ на бесконечные вопросы доносились обрывки фраз: «...я не знаю, господа, я ничего не знаю».¹⁴ Хотя Экардт характеризует мемуары Керенского как «исключительно непроблемные», это не мешает ему при изложении некоторых важных фактов следовать за Керенским.¹⁵ В разделе «Вторая революция» (гл. IV) Экардт ссылается (за двумя исключениями) лишь на антисоветские источники, хотя и пытается в ряде случаев дать самостоятельное истолкование событиям. В главе V «Военный коммунизм и НЭП» Экардт основывается преимуще-

¹³ С. Мстиславский. Пять дней. Начало и конец Февральской революции. Берлин—Петроград—Москва, 1922, стр. 12.

¹⁴ Н. Суханов. Записки о русской революции, кн. 1. Берлин—Петроград—Москва, 1922, стр. 123—124.

¹⁵ Экардт пользовался немецким изданием мемуаров Керенского: A. Kerenski. Vom Sturz des Zarenreich bis zum Lenins Staatsstreich. Dresden, 1928. Между тем в то время, когда Экардт писал свою книгу, он мог воспользоваться некоторыми ранними советскими изданиями, которые, несмотря на имеющиеся в них недостатки, помогли бы ему правдиво осветить роль рабочего класса и партии большевиков в Февральской революции. См., например, Революция 1917 г. Хроника событий, т. I, январь—апрель. Сост. И. Авдеев. М.—Пг., 1923. Первый легальный Петербургский комитет большевиков в 1917 г. М.—Л., 1927.

ственно на своих собственных статьях периода 20-х годов, на писаниях эмигрировавшего в 1922 г. из Советской России профессора Б. Бруцкуса — «решительного противника планового хозяйства», как аттестует его в своей библиографии ведущий реакционный «советолог» Клаус Менерт,¹⁶ и на опубликованных в Германии в начале 20-х годов брошюрах В. Милютца, Ю. Ларина и Л. Крицмана, взгляды которых на экономические проблемы Советской России в тот период подверглись резкой критике В. И. Ленина.¹⁷

О настроениях и стремлениях народа Экардт говорит много, — больше, чем другие историки, — но Советам, т. е. той организации, которая была создана творчеством самого народа, автор не уделяет почти никакого внимания, недооценивая тем самым их значение; вскользь упоминает он о двоевластии, о создании и растущем влиянии Петроградского Совета. Говоря о банкротстве политики Керенского, Экардт уклоняется от четкого признания того факта, что такое же банкротство по всем основным проблемам революции потерпела и политика меньшевиков и эсеров. Все же из его изложения видно, что партия большевиков была единственной, которая имела программу, соответствующую стремлениям и интересам народных масс, и что большевики были теснейшим образом связаны с массами.¹⁸ Характеризуя позицию Ленина по этому вопросу, Экардт пишет: «Политика, — говорил Ленин, — там, где миллионы, и там, где миллионы — там политика» (стр. 303).

Однако все это не помешало Экардту заявить, что после неудачи «июльского восстания большевиков» (версию которого он излагает «по Керенскому») правительство последнего упустило большой шанс уничтожить большевизм, поступив с его вождями так же, как полтора года спустя в Германии поступили с Р. Люксембург и К. Либкнехтом (стр. 233).

Об Октябрьском вооруженном восстании Экардт говорит как о народном восстании, подготовленном и осуществленном под ру-

¹⁶ Die Sowjetunion 1917—1932. Bearb. von K. Mehnert, Berlin, 1933, S. 70.

¹⁷ См.: В. И. Ленин. Соч., т. 32, стр. 114—122.

¹⁸ См. гл. IV, особенно стр. 287, 298. Приведем в этой связи мнение Экардта об итогах внутриполитического развития в России в период от февраля к октябрю 1917 г.: «Буржуазия лишилась мужества, была дезорганизована и рассчитывала на распри среди социалистов. Крестьянство было раздражено и возбуждено, революция еще не осуществила его права на землю, помещики осмеливались противодействовать крестьянскому движению. Иноплеменные народы также ничего не хотели знать о Временном правительстве». «Советская революция открывала дорогу тем, кто все эти годы требовал мира... Революционная политика означала многое. Она поддерживалась народом в Петрограде. За три года массы приобрели политический опыт и были готовы принести жертвы во имя идеи... Начать социальную революцию было легко».

ководством большевиков в соответствии с неодолимой и решительно выраженной волей масс. Упомянув о штрейкбрехерской позиции Зиновьева и Каменева накануне революции, Экардт пишет о том, что «большевики имели подавляющее большинство в Советах всех главных городов и промышленных центров; эти организации рвались в бой, и их можно было удержать в руках, лишь поставив перед ними немедленно соответствующие задачи. Революционная партия, которая бездействует, уподобляется воде в решете» (стр. 297).¹⁹

В отличие от многих других буржуазных авторов Экардт ставит знак равенства между «победой большевиков» (название последнего параграфа IV главы) и «победой пролетарской диктатуры» (название последнего раздела IV главы его книги) в октябре 1917 г. «В этот исторический момент диктаторские вожди были лишь исполнителями воли масс, — пишет Экардт, — уполномоченными и зависимыми представителями простого народа, опьяненного победой пролетариата. Социализация и передача всей собственности и земли народу должны были быть осуществлены. Русский пролетарий почувствовал себя человеком, а люди слишком долго и слишком мучительно ждали лучших времен» (стр. 303).

Из сказанного видно, что (в отличие от большинства буржуазных, особенно современных, западногерманских историков) Экардт не проявляет открыто враждебности к народным массам и, пытаясь объяснить их действия, говорит не только об их материальных интересах, но и об уровне сознательности масс. Касаясь характеристики периода, который начался после победы Октябрьского вооруженного восстания, Экардт говорит о том, что «народ чувствовал себя подготовленным для осуществления марксистских идеалов» (стр. 304).²⁰ Однако сам Экардт не разделяет энтузиазма масс, о котором пишет, со скептицизмом и иронией он тут же замечает, что «новые марксистские убеждения должны были и могли, как считали тогда, все создать из самих себя».

¹⁹ Однако, говоря вкратце о подробностях восстания, Экардт, руководствуясь писаниями Троцкого, преуменьшает роль Ленина.

²⁰ «Приговоры на сотни лет тюрьмы и ссылки, казни и мучения возвысили (в глазах масс, — В. Б.) марксистское решение назревших проблем... Все то, во имя чего были принесены такие жертвы лучших и достойнейших, все то, о чем мечталось с такой любовью, должно было стать теперь неизбежной реальностью. Речи и призывы Ленина воплотились в дело. С наивнейшей радостью, почувствовав возможность проявить неограниченные активность и энергию, пролетариат чувствовал себя непобедимым, достаточно подготовленным и способным для немедленного осуществления марксизма» (стр. 304).

Экардт не верит в социализм, а экономическую политику Советской власти в 1918—1921 гг. ошибочно трактует лишь как неудавшийся «эксперимент большевиков», игнорируя вынужденный характер военного коммунизма²¹ и его положительную сторону, позволившую Советской власти отразить натиск ее внутренних и внешних врагов. Экардт рассуждает о якобы «катастрофических последствиях» планового хозяйства и централизации, о том, что разрыв хозяйственных связей между городом и деревней является результатом «ошибочной социализации», о том, что «уничтожение свободного рынка оказалось огромной ошибкой» (стр. 308—319). Подобные утверждения Экардта находятся в полном противоречии с признанием им того факта, что ускоренная национализация была обусловлена саботажем буржуазии, которая «бросила промышленность на произвол судьбы». Этому последнему вопросу Экардт уделяет сравнительно большое внимание (§ 1, гл. V).

Экардт признает, что хотя буржуазия была побеждена политически, она чувствовала себя достаточно сильной для борьбы за власть в области экономики. Буржуазия, — признает он, — была не склонна ни к каким компромиссам и всеми средствами стремилась саботировать правительственную и административную деятельность новых властей.

Пытаясь объяснить «психологическую подоплеку этой роковой для буржуазии позиции», Экардт запутывается в противоречиях: начинает он свое объяснение с того, что «в мирной политике Советов (по отношению к империалистической войне, — В. Б.) буржуазия видела измену и позор», но затем вынужден признать, что в своем сопротивлении большевикам буржуазия готова была получить помощь от той самой Германии, с которой еще так недавно она стремилась воевать «до победы». Не идеалистические соображения насчет «измены и позора» мирной политики большевиков, а стремление сохранить свое классовое господство и готовность объединиться против народа с кем угодно, в том числе и с Германией, о мире с которой буржуазия еще недавно не хотела ничего слышать, определяли политику саботажа и вооруженного сопротивления русской буржуазии.

Экардт правильно замечает, что «буржуазия считала исключенной возможность вести хозяйство без ее помощи. Стремясь парализовать хозяйство с тем, чтобы принудить Советское госу-

²¹ В статье «Очередные задачи советской власти», законченной в апреле 1918 г., и в докладе В. И. Ленина на заседании ВЦИК 29 апреля 1918 г. по этому вопросу меры «военного коммунизма» (продразверстка, запрещение свободной торговли, форсированная национализация средней и мелкой промышленности и др.) не предусматривались. См.: В. И. Ленин и н. Соч., т. 27, стр. 207—281.

дарство к капитуляции, она оставила свои рабочие места». «Таким образом, — подчеркивает Экардт, — буржуазия сама вынудила Советское правительство к новой организационной системе и к национализации промышленности» (стр. 300). Но Экардт игнорирует при этом, что национализация крупной, синдицированной промышленности и банков предусматривалась программными документами партии большевиков до Октябрьской революции.

Подобно многим буржуазным историкам, исходя из идеалистического понимания глубинных причин исторических событий, Экардт не может отказать себе в удовольствии порассуждать о том, что было бы, если бы целые классы (не говоря уже об отдельных политиках) вели себя не так, как они вели себя на самом деле, а как-то иначе. При этом «в лучшем случае» вопрос о том, могли ли они поступить иначе, остается открытым. «Если бы буржуазия отказалась от борьбы и покорилась своей участи, — фантазирует Экардт, — сосредоточив свои усилия в области хозяйственной деятельности, то и при господстве Ленина дело не дошло бы обязательно до уничтожения буржуазии, так как Советы в ней настойчиво нуждались» (стр. 301).

Однако, как неоднократно подчеркивалось марксистами, русская буржуазия не имела того политического опыта, который давал возможность буржуазии некоторых западноевропейских стран проявлять значительную политическую гибкость в трудные для нее моменты истории. Между тем в первые годы после Октября не только русская, но и гораздо более опытная западноевропейская буржуазия не верила в прочность победы пролетарской революции в России. Поэтому предположение о том, что русская буржуазия могла в тот период отказаться от борьбы, совершенно беспредметно.

Но если и допустить такую «возможность», то очевидно, что диктатура пролетариата, которая в условиях бешеного сопротивления буржуазии довела до победы построение социализма в России, тем более успешно выполнила бы эту задачу при отказе буржуазии от развязывания гражданской войны, как это произошло позднее, в других исторических условиях, в европейских странах народной демократии.

Далее Экардт рассуждает о путях осуществления национализации заводов и фабрик: была ли она проведена русскими рабочими по их собственной инициативе, или по приказу «сверху»? Экардт — сторонник первой точки зрения, причем добавляет, что «там, где руководители предприятий оставались на местах, там не было и национализации». Он признает, что Советское правительство решительно выступало и против анархо-синдикалистских настроений (которые действительно кое-где проявлялись, — В. Б.) и что «анархистские эксцессы не имели решающего зна-

чения». Но в то же время он совершенно ошибочно смешивает рабочий контроль, перерастающий в управление промышленностью, с анархо-синдикализмом (стр. 302).

В данном случае Экардт повторяет клевету К. Каутского, о которой В. И. Ленин писал: «Подумайте только: 5 августа (1918 г., — В. Б.), когда налицо была уже масса декретов о национализации фабрик в России, причем ни одна фабрика не была „присвоена“ рабочими, а все передавались в собственность республики, 5 августа Каутский, на основании явно мошеннического толкования одной фразы из моей речи, внушает немецким читателям мысль, будто в России фабрики передаются отдельным рабочим!».²²

Характеризуя состояние народного хозяйства Советской России в годы гражданской войны, Экардт игнорирует тот факт, что чрезвычайно тяжелое экономическое положение досталось Советской власти в наследство от прежних властителей и было в значительной мере следствием мировой войны (что вынуждены признать и многие его коллеги). Экардт не только непоследовательно игнорирует признанный им самим саботаж буржуазии в качестве фактора, обусловившего экономический кризис в период военного коммунизма и гражданской войны, но он почти полностью игнорирует и саму гражданскую войну и интервенцию, которые вконец разорили страну. Только в самом конце главы «Военный коммунизм и НЭП» мы нашли затерявшуюся там фразу: «В течение трех лет (1918—1920) Россия постоянно подвергалась нападению. Ее железные дороги, мосты, города и заводы приводились в негодность, торговый и военный флот был уведен и продан» (стр. 303).

Однако в первых четырех разделах этой главы Экардт старается доказать читателю, что именно «большевистский эксперимент» с военным коммунизмом привел хозяйство страны к развалу, ни словом не упоминая о том, что в тех районах, где длительное время хозяйничали белые и где не было «большевистских экспериментов», экономическая разруха была еще более тяжелой. Так, например, как показывает в своем исследовании Е. Драбкина, «три года существования независимой Грузии были годами дикой спекуляции и грабежа народных масс». Е. Драбкина приводит признание главы меньшевистского грузинского правительства, сделанное им в 1920 г., о том, что «мы уже дошли до катастрофы».²³

То обстоятельство, что на территории, контролируемой бе-

²² Там же, т. 28, стр. 292.

²³ См.: Е. Драбкина. Грузинская контрреволюция. М., 1928, стр. 111—125.

лыми, экономическая разруха была сильнее, чем на территории Советской России, лишний раз доказывает, чья политика — политика большевиков или политика меньшевиков, эсеров, кадетов — была правильной, соответствующей интересам народа, и кого поэтому на фронте и в тылу поддерживали народные массы, поскольку только самоотверженный труд народа в сочетании с организаторской работой партии могли смягчить, уменьшить разруху, неизбежно связанную с гражданской войной.

Бесспорно, в ходе осуществления национализации и военного коммунизма были допущены различные ошибки как центральными органами Советской власти, так и на местах, что было связано с новизной и неизведанностью путей, которые пришлось пролагать народным массам и руководившей ими Коммунистической партии, о чем неоднократно говорил Ленин.²⁴ Поэтому упреки и ирония Экардта относительно того, что большевики не разработали предварительно во всех деталях свою программу, — совершенно несостоятельны. Из истории хорошо известно, что лишь одни кабинетные ученые составляли заранее во всех деталях планы коренных общественных преобразований, причем в тех случаях, когда эти детальные планы соприкасались с жизнью, они неизменно терпели крушение.

Гражданскую войну Экардт правильно характеризует как классовую борьбу, в которой белые выступали врагами всех трудящихся, завоевавших Октябрь (стр. 306, 331). При объяснении причин, почему «широкие массы народа повсюду отвернулись» от белых, Экардт придает решающее значение союзу белогвардейцев с интервентами, рассматривая это как «страшную ошибку» (еще одна «ошибка»!), поскольку «вмешательство чужеземцев в социальную гражданскую войну не терпит ни один народ» (стр. 331). Но Экардт не хочет и не может понять того, что эта «ошибка», которая у него (как и прежние ошибки эксплуататорских классов) выглядит как нечто случайное, в действительности с неизбежностью вытекала из классовых интересов помещиков и капиталистов и из мелкобуржуазной природы соглашательских партий, из приверженности мелких буржуа к западной, буржуазной демократии и их бешеной ненависти к диктатуре пролетариата.²⁵

Говоря об интервенции, Экардт, — это типично для многих немецких буржуазных историков, — разоблачает империалистические цели Антанты, которая хотела не только помочь белым свергнуть Советское правительство, но и расчленив Россию и

²⁴ См.: В. И. Ленин. Соч., т. 27, стр. 396, 438, 473—474; т. 28, стр. 120; т. 29, стр. 134; т. 33, стр. 32, 391.

²⁵ Там же, т. 28, стр. 185.

уничтожить ее как великую державу (стр. 330).²⁶ Однако, вопреки исторической правде, Экардт выгораживает Соединенные Штаты Америки (стр. 391) и не находит буквально ни одного слова для того, чтобы осудить германскую интервенцию в Советской России. Агрессивная, грабительская антисоветская политика Германии и США в рассматриваемый период разоблачается многими сборниками документов и многими работами советских историков.²⁷

Рассуждениям о роли народных масс в истории Великой Октябрьской социалистической революции и в социалистическом строительстве Экардт уделяет большее внимание, чем другие немецкие буржуазные историки. Об этом свидетельствуют и заключительные слова его книги: «...сквозь стену европейских предрассудков и за русской изоляцией надо видеть не только ужас и нужду, но и вновь завоеванную землю и проснувшийся народ, который взялся за работу, стараясь догнать Европу и Америку, к которым Советская Россия уже теперь ближе, чем „Матушка Русь“» (стр. 523). Нет у Экардта и зоологической ненависти к народу, характерной для многих «остфорщеров», особенно фашистских и современных западногерманских.

В отдельных случаях Экардт делает более или менее правильные выводы относительно роли народных масс в революции и в гражданской войне. Однако его приверженность к буржуазной демократии и вражда к демократии пролетарской не позволяет ему понять последнюю.

Точно так же, когда дело доходит до характеристики труда советского рабочего класса в период военного коммунизма, Экардт исходит исключительно из своих предвзятых воззрений. Он глубоко убежден в том, что «новое, базирующееся на сознании общественных интересов хозяйство (Solidaritätswirtschaft) не может быть создано людьми, которые столетиями жили при хозяйстве, основанном на личном интересе (Interessenwirtschaft)» (стр. 306). Вера в капитализм и его идейные основы (не их ли сам Экардт назвал «европейскими предрассудками»?) помешала Экардту понять ту простую истину, что «солидарное ведение хо-

²⁶ См. также: А. Hohlfeild. Versailles und die russische Frage. 1918/1919. Hamburg, 1940, S. 8; P. Sethe. Kleine Geschichte Russlands, S. 133.

²⁷ Документы по истории гражданской войны в СССР, т. I. М., 1940; Документы о разгроме германских оккупантов на Украине в 1918 г. М., 1942; Крах немецкой оккупации в Белоруссии в 1918 г. Минск, 1947; Из истории борьбы советского народа против иностранной военной интервенции и внутренней контрреволюции в 1918 г. М., 1956; Ю. А. Белан. Отечественная война украинского народа против немецких оккупантов в 1918 г. Киев, 1960; В. А. Боярский. Вторжение империалистов США в Советскую Россию и его провал. М., 1961 и др.

зяйства», основанное на общественной собственности на средства производства, не только не противоречит личным интересам людей, а, наоборот, развиваясь более быстрыми темпами, открывает неограниченные возможности для наиболее полного удовлетворения потребностей граждан, как об этом свидетельствуют великие достижения советского народа и трудящихся других стран мировой системы социализма.

В результате предвзятого подхода обобщения Экардта относительно труда советского рабочего класса в период военного коммунизма лишены всякого подобия объективности. «В производстве, — пишет он, — общий интерес, солидарность так и не были достигнуты, они существовали в борьбе с врагами пролетариата... За станками и у машин о них ничего не знали, русские трудящиеся вообще не понимали, о чем здесь может идти речь» (стр. 306).

К такому искажающему действительность обобщению вполне применима поговорка: «Из-за деревьев не видно леса». Несомненно, что сложнейший процесс воспитания нового отношения к труду не мог проходить гладко, особенно в период переживаемых страной невероятных трудностей, которые влекли за собой деклассирование рабочих, снижение реальной заработной платы, недоедание и истощение рабочих. Если в *этих* условиях²⁸ производительность труда рабочих по стране в целом сократилась в 1918—1919 гг. примерно всего на одну треть,²⁸ то это убедительно свидетельствует о том, что, как отмечал в сентябре 1918 г. В. И. Ленин, лишь незначительное меньшинство рабочих продолжало держаться привычек капитализма и смотрело на Советское государство как на работодателя, стараясь дать «ему» работы поменьше, а получить с «него» денег побольше.²⁹ Подавляющее же большинство рабочих своим самоотверженным трудом, борясь одновременно за новую дисциплину и за новое отношение к труду, создало совместно с героическими бойцами Красной Армии то единство фронта и тыла, о которое разбились все атаки белогвардейцев и интервентов. Именно в это время зародились и те чуждые пониманию Экардта ростки нового в труде — коммунистические субботники, которые, развиваясь с каждым годом все больше, способствовали достижению таких темпов развития экономики и культуры в нашей стране, о которых не могли и не могут мечтать апологеты капитализма.

²⁸ См.: О. И. Цикаратан. Основные этапы социалистического соревнования в промышленности СССР. История СССР, 1961, № 5, стр. 56; см. также стр. 53—57.

²⁹ См.: В. И. Ленин. Соч., т. 28, стр. 79.

* *
*

Особое место в буржуазной историографии истории КПСС и истории советского общества занимает вышедшая в 1932 г. книга ренегата Артура Розенберга «История большевизма от Маркса до современности».³⁰ А. Розенберг выдает себя за сторонника Великой Октябрьской социалистической революции и сторонника Советов, но... без диктатуры пролетариата и без руководящей роли Коммунистической партии.³¹ Однако сомнительный приоритет в части попыток противопоставить Советы диктатуре пролетариата принадлежит не А. Розенбергу, а К. Каутскому, выступления которого в 1918 г. против пролетарской революции получили тогда же уничтожающую отповедь В. И. Ленина.³² Книга А. Розенберга оказала большое влияние на буржуазную историографию Октябрьской революции, истории советского общества и истории КПСС; почти ни один буржуазный автор не проходит мимо этой книги, что объясняется несомненно тем, что Розенберг, как и все ренегаты, слывет у буржуазии знатоком коммунистического движения. При этом Розенберг, в отличие от большинства ренегатов, старается не компрометировать себя откровенным и примитивным антикоммунизмом.

Ссылкой на источники Розенберг большей частью себя не утруждает. В основном он опирается на писания Троцкого, Бухарина, Зиновьева, Леви, а по экономическим вопросам — на упомянутые брошюры В. Милютина, Ю. Ларина и Л. Крицмана; Розенбергом неоднократно используется работа Р. Люксембург «Русская революция», от ошибочных положений которой она вскоре в значительной мере отошла. Советские публикации документов, работы советских историков Розенбергом не привлекаются.

Февральскую революцию Розенберг характеризует как стихийную народную революцию против войны и царизма. Веду-

³⁰ A. Rosenberg. Geschichte des Bolschewismus von Marks bis zum Gegenwart, Berlin, 1932. А. Розенберг (1889—1934), доцент по истории древнего мира в Берлинском университете, автор ряда работ по древней истории и истории Германии, был членом германской компартии с 1920 по 1927 гг., входил в состав ЦК КПГ и был в числе его представителей в Исполкоме Коминтерна. Порвав с компартией, А. Розенберг в своих исторических «трудах» выступал с враждебными, клеветническими нападками на политику коммунистов в Советском Союзе и в Германии.

³¹ Такова одна из основных идей Розенберга, которую он проводит также и в своих книгах по истории Веймарской республики, переизданных в 1955 г. под названием: Entstehung und Geschichte der Weimarer Republik. Frankfurt am Main, 1955.

³² См.: В. И. Ленин. Соч., т. 28, стр. 89, 236—242.

дящее участие партии большевиков в событиях Розенберг игнорирует. «Рабочие и солдаты свергли царя, — пишет Розенберг, — но власть захватила либеральная буржуазия», несмотря на то, что «русская буржуазия была слаба и не имела поддержки в народе». Объясняет это Розенберг тем, что буржуазия держалась поддержкой эсеров, за которыми шло большинство народа, и меньшевиков; и те и другие считали, что революция буржуазная и что они должны ограничиться ролью оппозиции, но Розенберг не скрывает, что оппозиция эта была мнимой и что такая политика и привела соглашателей к банкротству³³ (стр. 88, 89). Но меньшевиком он старается выгородить; у него получается, что «меньшевики связали себя с тактикой народников» (эсеров, — В. Б.) чуть ли не случайно: «Участие меньшевиков во Временном правительстве было роковой ошибкой. Не будь ее, они не исчерпали бы свои возможности к Октябрю» (стр. 98). Розенберга не смущает, что несколькими страницами выше он правильно отметил полное единодушие меньшевиков с эсерами в оценке политической обстановки, характера и задач революции, чем и объясняется отнюдь не случайное совместное с эсерами участие меньшевиков в коалиционном правительстве (стр. 88, 89).

В своих усилиях обелить меньшевиков Розенберг пытается запутать читателя с помощью неожиданного утверждения: «... большевики вели общерусскую политику, а меньшевики только рабочую политику» (там же). Однако на каком основании Розенберг противопоставляет «общерусскую политику» — «рабочей»? Разве выход из империалистической войны, за который боролись большевики и против которого боролись эсеры и меньшевики, не был одновременно и общерусской и рабочей политикой? То же самое отнесется и к ликвидации помещичьего землевладения и к созданию рабоче-крестьянского правительства вместо помещичье-капиталистического.

Большевики были действительно проводниками общерусской политики в том смысле, что они были подлинными выразителями интересов подавляющего большинства русского народа, за исключением ничтожного меньшинства — помещиков и капиталистов. Попытка Розенберга противопоставить этой подлинно общерусской политике какую-то мифическую «рабочую поли-

³³ «Фактически с мая по октябрь, — констатирует Розенберг, — у власти была коалиция эсеров, меньшевиков и либеральной буржуазии. Политически решающей силой были эсеры во главе с Керенским. Эти полгода были периодом страшного политического банкротства народников... Они оказались илленниками империалистической войны... Также бесплодной была и внутренняя политика эсеров. Они не решились дать землю крестьянам» (стр. 98).

тику» меньшевиков не имеет ничего общего с исторической правдой.

Розенберг признает, что в период от февраля к октябрю большевики завоевали на свою сторону народные массы, претворяя в жизнь политическую линию, сформулированную В. И. Лениным в его исторических «Апрельских тезисах». При этом он задается вопросом: не противоречит ли лозунг В. И. Ленина «Вся власть Советам!» его установке насчет того, что «с шовинистическими демократами не может быть союза», поскольку весной 1917 г. большинство в Советах принадлежало эсерам и меньшевикам? Розенберг правильно отвечает на этот вопрос отрицательно, признавая, что Ленин проводил различие между вождями и массами (стр. 91). Упомянув вскользь об этом чрезвычайно важном обстоятельстве, Розенберг предпочитает не останавливаться на нем более подробно, поскольку различие между оппортунистами-вождями и обманутыми ими массами — один из основных принципов марксистско-ленинских партий, стратегию и тактику которых старается опорочить Розенберг.

Розенберг утверждает далее, что «в России после свержения царя, помещиков и крупной буржуазии было срочно необходимо (fällig) крестьянско-демократическое, а не рабоче-социалистическое правительство». То обстоятельство, что такое правительство не было создано, он объясняет затяжкой с созывом Учредительного собрания, усматривая в этом «невероятную ошибку» эсеров (стр. 98—100). Однако была ли эта ошибка случайной? Сам Розенберг отвечает на этот вопрос, по сути дела, отрицательно, так как пишет, что эсеры боялись получить большинство и оказаться у власти (стр. 100). Но Розенберг не договаривает до конца: чем же были обусловлены опасения эсеров?

Очевидно, эсеры боялись получить большинство и оказаться у власти потому, что они не хотели и не могли, в силу своей мелкобуржуазной природы, удовлетворить требования рабочих и крестьян. Соответствующие данные приводит и сам Розенберг. Обещания эсеров неизбежно расходились с их делами и они понимали, что созыв Учредительного собрания обнаружит этот обман. Единственной партией в России, которая не боялась взять на себя всю полноту ответственности за руководство государством, заявив об этом задолго до своей победы в октябре, была партия большевиков.

Придавая решающее значение вопросу о сроках созыва Учредительного собрания, Розенберг забывает о том, что суть дела не в том или ином учреждении (к тому же учреждению, которое никаких прочных корней в истории страны и в сознании масс не имело), а в политике тех политических партий, которые пред-

ставлены в этом учреждении, а политика буржуазно-помещичьих и соглашательских партий, как признает Розенберг (и большинство буржуазных историков), не соответствовала интересам и стремлениям народа.

Розенберг идет дальше других буржуазных и реформистских авторов, стремясь изобразить себя сторонником Октябрьской революции и связывая победу большевиков в октябре 1917 г. с антидемократической политикой других партий.³⁴

Верное утверждение Розенберга о том, что поражение большевиков в октябре 1917 г. означало бы торжество реакции (этот вывод должен способствовать завоеванию Розенбергом репутации крайне левого автора), опровергает его же тезис о возможности установления в России в 1917 г. «крестьянско-демократического» правительства, поскольку, как это признает сам Розенберг, это правительство в действительности было бы способно лишь на террористическое подавление стремлений народа.

Розенберг упоминает частично о тех обстоятельствах, с которыми был связан роспуск Учредительного собрания. Он пишет: «В результате того, что раскол партии эсеров не нашел отражения в итогах выборов в Учредительное собрание, эти итоги не отражали настроений народа... Крестьяне, отдав голоса эсерам, голосовали против помещиков, а не за Керенского, во главе же списков эсеров повсюду стояли люди Керенского». Розенберг признает и то, что «если бы после разгона „короткого парламента“ большевики провели бы новые выборы, то Советское правительство получило бы подавляющее большинство, но большевики считали Советы высшей формой демократии» (стр. 112, 113).

«Каково же мнение о Советах самого Розенберга? «Большевики, — вынужден признать он, — опирались на единственное демократическое народное представительство, которое тогда существовало в стране, — на Советы, действительно избранные народом» (стр. 110). Розенберг отмечает далее, что Советы были творчеством самих народных масс и что «в марте 1917 г. Ленин открыл в Советах современную форму последовательно демократической социалистической революции» (стр. 91). Однако

³⁴ «Нельзя забывать, — пишет он, — что большевистское Октябрьское восстание было направлено не против легального парламентско-демократического правительства, а против властителей, которые сами себя назначили и которые до сих пор препятствовали созыву парламента. Лозунг большевиков: не диктатура пролетариата против демократии, а демократия против автократических властителей... Если бы Ленин в 1917 г. потерпел неудачу — в России наступил бы хаос, который закончился бы белым террором и распадом России» (стр. 101).

все эти замечания и выводы используются Розенбергом в качестве позиции для клеветы на Советы и на диктатуру пролетариата.

«Одновременно с победой в гражданской войне, — начинает свою атаку Розенберг, — русский народ потерял свободу, воплощенную в Советах, в угоду большевистской партийной диктатуре» (стр. 119). Этот лживый, опровергнутый самой жизнью тезис широко распространен в буржуазной историографии. Различие по данному вопросу между ренегатом А. Розенбергом и ярым фашистом Г. Раухом состоит лишь в том, что последний отрицает демократический характер Советского правительства с момента его создания и не скрывает своей вражды к Октябрьской революции, в то время как Розенберг проводит более тонкую линию: он выдает себя за сторонника Октябрьской революции и клеветает, будто бы Советская власть утратила свой демократический характер.

Но Розенберг совершенно не сводит концы с концами: он сам в довольно энергичных выражениях признает, что политика партии большевиков отвечала интересам народа, благодаря чему она пришла к власти в октябре 1917 г. и победила затем в гражданской войне (стр. 117), и, разумеется, он ничего не может сказать конкретного о том, будто бы партия большевиков в дальнейшем перестала выражать интересы народа.

Но он все же пытается аргументировать. Каковы же те аргументы, с помощью которых он пытается доказать свою клевету? Розенберг заявляет, что «создание Красной Армии, хотя и было острой необходимостью, в то же время означало брешь в Советской системе», так как «постоянная армия, не связанная с местными Советами, превращается в орудие насилия буржуазного типа» (стр. 119, 120). Несостоятельность этого аргумента и противоречивость позиции Розенберга очевидны.

Совершенно неверно, что Красная Армия не была связана с местными Советами. Комплектование армии производилось самими местными Советами: волостными, уездными, губернскими,³⁵ а также другой массовой организацией трудящихся — профсоюзами.³⁶

Созданные в дальнейшем для комплектования и управления армией — военные комиссариаты также организовывались местными Советами или с их участием (высшее звено — окружные комиссариаты); Советы и комиссариаты находились в постоянном

³⁵ См.: Сборник документов: Организация Красной Армии. М., 1943, стр. 28 и след.

³⁶ См.: Сборник документов: Профсоюзы СССР в создании Красной Армии. М., 1940.

тесном контакте.³⁷ Один из виднейших организаторов Красной Армии, С. И. Гусев, был прав, когда, перефразируя слова Энгельса, писал, что Красная Армия была «военным слепком с советского строя».³⁸

С самого начала в Красную Армию вступили тысячи коммунистов, революционных рабочих, матросов, солдат. Ее политическими воспитателями были военные комиссары из числа закаленных и преданнейших революционеров. Как же могла армия трудящихся, по существу добровольческая,³⁹ «превратиться в орудие насилия буржуазного типа»?

Наконец, и это главное, характер армии определяется тем, какую политику она защищает. Даже самые злейшие антикоммунисты, в том числе и сам Розенберг, признают, что Красная Армия защищала завоевания революции, интересы широких масс народа против тех, кто хотел надеть на народ старое ярмо и лишить его завоеваний революции. Разве все это не говорит о том, что назвать Красную Армию «орудием насилия буржуазного типа» — значит злостным образом извратить факты.

Следующий аргумент Розенберга состоит в том, что революционно-пролетарский централизм, необходимый для революции и гражданской войны, восходит к терроризму 1793 г., но не имеет ничего общего с советской системой (стр. 121, 122). В действительности советская система не только не находится в противоречии с централизмом, а наоборот, ее основу составляет демократический централизм, сочетающий руководство сверху с выборностью руководящих органов и их строгой отчетностью перед избирателями. Это и есть подлинный демократизм, действующий в интересах трудящихся, неразрывно связанный с их инициативой и творческой активностью.

Однако основным аргументом Розенберга в его клевете на советскую демократию (как и у всех сторонников буржуазной демократии) является ссылка на отсутствие в Советском Союзе многопартийной системы. Ответ на это обвинение уже давался большевиками неоднократно. Даже в буржуазной историографии преобладает признание того факта, что в гражданской войне только большевики, против которых объединились все осталь-

³⁷ Организация Красной Армии. Гл. II, §§ 2, 4. Гл. III; С. И. Гусев. Гражданская война и Красная Армия (статья 1918—1925 гг.). М., 1958, стр. 30—37; Н. И. Шатагин. Организация и строительство советской армии в 1918—1920 гг. М., 1954, стр. 30, 36, 37, 54—57.

³⁸ С. И. Гусев. Гражданская война и Красная Армия, стр. 30.

³⁹ Хотя с февраля 1918 г. Красная Армия комплектовалась в порядке мобилизации, но С. И. Гусев правильно отмечает, что без добровольного согласия трудящихся советский государственный аппарат никогда не мог бы создать многомиллионную и боеспособную армию (там же, стр. 53).

ные политические партии, отстаивали программу, соответствующую интересам народа и пользовались его доверием. Сам Розенберг тоже вынужден признать, что со времени победы в гражданской войне понятия «большевизм» и «революция» стали синонимами (стр. 112). Правда, грубо искажая общеизвестные факты, он пишет, что либералы, меньшевики и эсеры были расколоты между двумя борющимися лагерями (стр. 120), не желая признать, что все они, включая и левых эсеров с лета 1918 г., были в одном антинародном лагере противников социалистической революции (что отнюдь не исключало различных разпогласий и грызни внутри этого антинародного лагеря).

Своей борьбой против Октябрьской революции и ее завоеваний, против интересов народа буржуазно-помещичьи и соглашательские партии сами способствовали своему исчезновению с политической арены. С построением социализма и ликвидацией эксплуататорских классов в Советском Союзе исчезла почва для многопартийной системы. Успехи советского народа, достигнутые под руководством Коммунистической партии, достаточно убедительно свидетельствуют о том, что Коммунистическая партия есть лучшая и надежнейшая выразительница интересов всего советского народа.

Таким образом, аргументы Розенберга против демократизма советской системы в России — это обычные истасканные «аргументы» буржуазной пропаганды и историографии, неоднократно опровергнутые коммунистами и самой жизнью.

Комментируя первые социалистические преобразования в промышленности Советской России и политику «военного коммунизма», Розенберг извращает и этот вопрос. Особенность его позиции состоит в том, что вынужденный характер ускоренной национализации он объясняет лишь потребностями гражданской войны, смазывая вопрос о саботаже буржуазии. Одновременно Розенберг лживо утверждает, будто бы в Октябрьской революции Ленин хотел довести до конца буржуазно-демократическую революцию, ограничившись этим на длительное время, но массы перешагнули большевистскую программу. Убедивших рабочих, — пишет Розенберг, — невозможно было удерживать в рамках контроля, они захватывали предприятия; национализация промышленности носила стихийный характер, что привело к тяжелым последствиям (стр. 113, 114).

Свое измышление насчет ближайших целей партии большевиков в Октябрьской революции Розенберг основывает на извращенном истолковании работы В. И. Ленина «Грозная катастрофа и как с ней бороться» (сентябрь 1917 г.), которую Розенберг подробно излагает (что должно подтвердить его

«объективность»), умалчивая, однако, о том, что Ленин называл изложенную им в его брошюре программу «шагами к социализму».

Свою клевету насчет того, что экономическая программа большевиков перед революцией сводилась к буржуазно-демократическим мерам, Розенберг пытается подкрепить утверждением, будто бы с программой, изложенной в брошюре Ленина, могли бы согласиться и левобуржуазные круги в Европе и в России (стр. 104, 105).

В действительности же экономическая программа, развиваемая Лениным в его брошюре «Грозящая катастрофа и как с ней бороться», предполагала такое ограничение эксплуататорских интересов и привилегий буржуазии (национализацию банков и синдицированной промышленности, подлинно демократический надзор народа за капиталистами, отмену коммерческой тайны, регулирование потребления в интересах бедных против богатых), на которое никакие «левобуржуазные круги» и социал-соглашатели в тот период не пошли бы.⁴⁰

Разумеется, большевики предусматривали доведение до конца буржуазно-демократической революции, ликвидацию помещичьего землевладения в качестве побочного результата социалистической революции, а также известную постепенность при проведении социалистических мероприятий, однако трудно придумать нечто более лживое и несуразное, чем утверждение Розенберга, будто бы в Октябрьской революции Ленин хотел лишь довести до конца буржуазно-демократическую революцию и что были какие-то расхождения в этом вопросе между большевиками и рабочим классом.

Из опубликованных документов и работ советских историков видно, что национализация вовсе не была осуществлена «единым махом», как это может понять читатель из приведенных выше утверждений Розенберга. Национализация осуществлялась в действительности постепенно: ко времени издания декрета Совета Народных Комиссаров о национализации крупнейших предприятий ряда отраслей промышленности и предприятий железнодорожного транспорта от 28 июня 1918 г. — на основе постановлений центральных и местных органов Советской власти — была национализирована небольшая часть наиболее

⁴⁰ Что касается «одобрения» буржуазией идеи национализации ведущих, синдицированных отраслей промышленности, то Розенбергу должно было быть известно, что в Германии буржуазия и социал-демократы, соглашались после победы буржуазно-демократической революции с национализацией промышленности на словах, — на деле сорвали ее, хотя для национализации были необходимы объективные условия и широкие массы народа хотели ее.

крупных заводов и фабрик — немногим более 1500.⁴¹ И в дальнейшем, на 1 ноября 1920 г. было национализировано лишь 66% от общего количества учтенных промышленных предприятий.⁴²

Буржуазия бешено сопротивлялась введению рабочего контроля и национализации промышленности. В ходе преодоления открытого противодействия и саботажа предпринимателей рабочий контроль перерастал в рабочее управление промышленностью.⁴³

Постепенное перерастание рабочего контроля в рабочее управление промышленностью ни в малой степени не противоречило принятой в январе 1918 г. «Декларации прав трудящегося и эксплуатируемого народа», на которую Розенберг также пытается сослаться в подтверждение вымышленного им расхождения между инициативой рабочих и целями партии большевиков. Розенберг ссылается на то, что в Декларации провозглашался рабочий контроль, а не национализация. Но ведь рабочий контроль провозглашался как «первый шаг к полному переходу фабрик, заводов... и прочих средств производства... в собственность рабоче-крестьянского государства».⁴⁴ Следовательно, национализация промышленности также предусматривалась в качестве следующей задачи.⁴⁵

В ходе решения гигантской задачи по распространению на всю промышленность рабочего контроля, национализации промышленности и в ходе налаживания рабочего управления были и ошибки, неизбежность которых предвидел В. И. Ленин, от

⁴¹ Ю. К. Авдаков. Народное хозяйство в период иностранной интервенции и гражданской войны (1918—1920). М., 1959, стр. 9.

⁴² Отчет ВСНХ VIII Всероссийскому съезду Советов. В сборнике документов: Национализация промышленности в СССР. М., 1954, стр. 496. Из общего числа 75 крупных предприятий и групп мелких предприятий, перечисляемых в сборнике документов «Национализация промышленности и организация социалистического производства в Петрограде (1917—1920)», т. I, разд. 2, до декрета 28 VI 1918 было национализировано 13, а остальные 62 — после декрета, главным образом в 1919 и 1920 гг. В Костромской губернии из 49 крупных предприятий в первой половине 1918 г. было национализировано только 10 (Рабочий Контроль и национализация промышленности в Костромской губернии. Сб. документов (1917—1919 гг.). Кострома, 1960, стр. 214—224).

⁴³ См.: И. А. Гладков. Очерки советской экономики (1917—1920). М., 1956, разд. I, гл. 1—3.

⁴⁴ Декреты Советской власти, т. I, стр. 321.

⁴⁵ Пытается опереться Розенберг и на немецкое издание брошюры Ларина и Кридмана: «Очерк хозяйственной жизни и организация народного хозяйства Советской России». Берлин, 1920, в которой, однако, ни одним словом не говорится о том, что массовая инициатива снизу в деле национализации и политика Советского правительства в этом вопросе якобы противоречили друг другу.

которых он предостерегал и удерживал рабочих и которые он оценивал так: «Каждая ошибка в такой работе, в этой добросовестнейшей и искреннейшей работе десятков миллионов простых рабочих и крестьян по переустройству всей их жизни, — каждая такая ошибка стоит тысячи и миллиона „безошибочных“ успехов эксплуататорского меньшинства, успехов в деле надувания и обжоривания трудящихся».⁴⁶

Эти слова Ленина являются наилучшим ответом всем тем злопыхателям, которые, подобно Розенбергу, преувеличивают значение ошибок, допущенных в ходе проведения национализации, стараясь с помощью подобных преувеличений исказить смысл великих исторических преобразований, осуществленных рабочим классом в Советском Союзе под руководством партии большевиков.

* *
*

В числе первых из опубликованных в ФРГ книг, в которых рассматривались вопросы революции в России, были книги «остфоршера» старшего поколения — Е. Ханиша: «История России» и «История Советской России».⁴⁷ Ханиш вынужден признать наличие в царской России социальных предпосылок революции. В первой из этих книг он пишет, что «индустриальное развитие увеличивало число фабричных рабочих, недостаточно оплачиваемых и лишенных государственного социального обеспечения, что легко делало их жертвами радикальной пропаганды. . . Эксплуатация рабочих в области зарплаты и рабочего времени была бесстыдной. Рабочие не имели легальных средств для защиты. . . Обнищание крестьян принимало угрожающие размеры. . . Аграрный кризис, обостренный ускоренной виттевской индустриализацией, делал крестьян восприимчивыми к идеям коренного изменения социального здания» (стр. 15—17).

Упомянув обо всех этих фактах, из которых ясно, что успехи радикальной пропаганды объяснялись далеко не только отсутствием государственного социального обеспечения, Ханиш

⁴⁶ В. И. Ленин. Соч., т. 28, стр. 54. Ср. также: т. 32, стр. 196, 197.

⁴⁷ E. Hanisch. 1) Geschichte Russlands, Bd. II. Freiburg, 1941 (1. Aufl. 1939); 2) Geschichte Sowjetrusslands 1917—1941, Freiburg, 1951. Книга написана на основе лекций, которые Ханиш читал в Бреславльском университете в период фашизма. Ханиш (1876—1953) долгие годы был сотрудником Бреславльского восточноевропейского института и редактировал издававшийся в 1923—1936 гг. журнал «остфоршеров» «Jahrbücher für Geschichte und Kultur der Slaven».

одновременно выразил свое отношение — отношение реакционера — к революционному движению, назвав рабочих «жертвами радикальной пропаганды», хотя даже из того весьма немногого, что сказано им о положении трудящихся в царской России, видно, что революционная борьба была для них единственным средством улучшения невыносимого положения.

«Недомыслие правящих и капиталистических кругов, — пишет Ханиш, — толкало рабочих к деструктивным идеям марксизма. Тесные связи индустриальных рабочих с деревней переносили эти идеи и к терпящим нужду крестьянам» (стр. 116). Таким образом, реакционную политику русских правящих и капиталистических кругов Ханиш объясняет тем, что они были недостаточно умны. Подобное упрощение и идеалистическое объяснение исторических явлений, по-видимому, очень удобно для того, чтобы вводить в заблуждение тех, кто воспитан на подобных идеях.

Не останавливаясь на том, что с помощью «деструктивных» идей марксизма, ненависть к которым не может скрыть Ханиш, достигнуты результаты, далеко оставившие позади то, что достигнуто за гораздо более длительный срок на базе «конструктивных» идей капитализма, обратим внимание на вынужденное признание Ханишем наличия в царской России объективных условий для союза рабочих и крестьян на базе марксизма.

Но уже через страницу ненависть к марксизму побудила Ханиша написать нечто совершенно противоположное: «... русские марксисты в крестьянской стране, — заявляет он, — исходили не из устранения нужды крестьян, а из ошибочных марксистских воззрений, которые в России, благодаря ее экономической структуре, были абсолютно неприменимы» (стр. 118). Неизвестно, читал ли Ханиш работу Ф. Энгельса «Крестьянский вопрос во Франции и в Германии», где популярно разъясняется, какова должна быть политика марксистов по крестьянскому вопросу; что же касается утверждений Ханиша насчет «ошибочности идей марксизма» и «неприменимости» их в России, то нет теперь необходимости опровергать это бессильное и злобное повторение Ханишем тех антикоммунистических догм, которые он преподпосил своим студентам.

Ханиш упоминает и о подъеме стачечного движения в России перед первой мировой войной, причем отмечает, что, «начинаясь с экономических требований, эти выступления переходили в радикальное политическое русло большевизма, так как меньшевики были против этих стачек» (стр. 114, 159). Благодаря влиянию большевиков «с 1916 года идеи пролетарской революции и выхода из империалистической войны распространились среди русских рабочих» (стр. 211).

Однако в противоречии с этим признанием он говорит о Февральской революции только как о стихийном восстании масс в результате невыносимых условий, голода и бессилия правительства (стр. 208). О политических требованиях восставших и о значении этой революции автор не упоминает, хотя даже из того весьма немногого, что сказано самим Ханишем о классовых противоречиях в России, видно, что свержение самодержавия народом было подготовлено всем предшествующим ходом развития.

Если о социально-экономических объективных предпосылках революции Ханиш упоминает хотя бы вскользь, то о политических объективных предпосылках Октябрьской революции — о политическом кризисе в 1917 г., а также о таком субъективном факторе, как несостоятельность буржуазно-соглашательских партий, он почти полностью умалчивает. Правда, он замечает, что со времени возвращения Ленина «его движение сделало невероятные успехи» (стр. 213).⁴⁸ Октябрьскую революцию он именуется «большевистским переворотом» (стр. 214), хотя еще в 1924 г. его точка зрения была иной и он писал: «... то, что русская революция представляет собой не случайное, а необходимое явление, вероятно, никто сегодня не станет серьезно осматривать».⁴⁹

Свою вторую книгу «История Советской России» (которая представляет собой продолжение первой) Ханиш начинает с утверждения, что «политика продолжения войны Временным правительством дала возможность Ленину провести большевистскую революцию» (стр. X). Далее он пишет, что Временное правительство пыталось ослабить революционное крестьянское движение против помещиков (стр. 5). На самом деле оно пыталось не только ослабить, но и подавить это движение. Видимо, Ханиш считает, что политика продолжения войны и отказ от передачи помещичьей земли крестьянам были случайными ошибками Временного правительства.

Говоря о Советах, Ханиш признает, что они были созданы из практики русского пролетариата; упоминает он и о том, что с помощью городских организаций большевистской партии в деревне были созданы организации беднейших крестьян и батраков и что таким образом возникла связь между городскими и

⁴⁸ Ханиш не решается присоединиться к клевете, пущенной в 1917 г. в ход контрреволюционерами, в связи с проездом Ленина через Германию; он называет сфабрикованные тогда «документы» «сомнительными и фальшивыми» (стр. 213).

⁴⁹ *Jahrbucher für Geschichte und Kultur der Slaven*, Bd. 1, N. 2, 1925, S. 222. (Цит. по книге: В. И. Салов. Германская историография Октябрьской революции. М., 1960, стр. 44).

сельскими Советами (стр. 5, 12). Но тут же он грубо извращает факты, голословно утверждая, будто бы в 1916 г. большевистское руководство высказалось против Советов и что якобы лишь после Февральской революции оно их поддержало (стр. 12).

О значении Советов в качестве органов восстания и органов будущей революционной власти В. И. Ленин неоднократно высказывался до второй русской буржуазной революции.⁵⁰ В октябре 1915 г. В. И. Ленин писал: «Советы рабочих депутатов и т. п. учреждения должны рассматриваться, как органы восстания, как органы революционной власти».⁵¹ Откуда же взял Ханиш, что большевистское руководство перед революцией было против Советов, недооценивало их значение?

Даже то немногое, что было сказано самим Ханишем о социальных предпосылках революции и об антинародной политике Временного правительства, не позволило ему извратить вопрос о движущих силах революции: он вынужден признать, что «объединение крестьянских восстаний с рабочими волнениями в городах привело в конечном итоге большевистскую революцию к победе». Отмечает он и то, что внутренняя политика царизма объясняет активное участие в революции национальных меньшинств (стр. 1, 5).

Однако из сказанного о предпосылках и движущих силах революции Ханиш не хочет сделать правильные последовательные выводы, так как эти выводы противоречили бы его политической концепции оруженосца «холодной войны». Ничего не сообщая читателю о важнейших декретах Советского правительства, принятых сразу же после свержения власти помещиков и капиталистов, Ханиш, как бы между прочим, формулирует то, что является *политической целью* его книги: «в итоге революции, — клеветает он, — время диктатуры пролетариата или трудящихся не наступило» (стр. 10—11).

* *
*

Холодная война, которая вновь активизировала германский империалистический «остфоршунг», вдохновила бывшего зондерфюрера Г. Рауха, деятельно подвизавшегося на пиве этой лженауки при фашизме, выступить в 1955 г. с книгой «История большевистской России», которая считается в Западной Германии основным справочным пособием для ознакомления широких

⁵⁰ См., например: В. И. Ленин. Соч., т. 10, стр. 3—11, стр. 225—226; т. 13, стр. 6—7 и т. д.

⁵¹ Там же, т. 21, стр. 367.

кругов читателей с историей Октябрьской революции и советского общества.⁵²

Раух обещает своим читателям, что он намерен следовать «методике и этике западного мира», которые требуют «максимально возможной объективности и неподчинения исследования заранее установленной схеме мышления» (стр. 12). В действительности же в книге Рауха, которая от начала и до конца проникнута резко враждебным духом по отношению к предмету его «исследования» — к общественному и политическому строю Советского Союза, — материал излагается крайне необъективно, большинство вопросов в освещении Рауха грубо искажается и фальсифицируется. Даже в тех случаях, когда он излагает некоторые факты или причинные связи более или менее в соответствии с исторической правдой, он прибегает к таким формулировкам, которые должны представить перед читателем в черном свете все то, что соответствует интересам масс и делу социализма.

Примерно три четверти документальных источников и 90% литературы из указанных в обширной библиографии, приложенной к книге Рауха, являются антисоветскими изданиями. Введение и первая глава, посвященные рассматриваемым нами вопросам, основываются на работах буржуазных историков и белогвардейцев: Ф. Боркенау, Е. Гурвича, В. Гуриана, В. Лазича, П. Милюкова, В. Шуба и на писаниях Троцкого. В нескольких случаях Раух ссылается на сочинения В. И. Ленина, но сделано это им лишь для того, чтобы придать видимость объективности своей книге, в действительности же в важнейших вопросах позиция В. И. Ленина жульнически искажена Раухом. Ни одна советская документальная публикация и ни одна работа советских историков во «Введении» и в первой главе Раухом не использованы.

О социально-экономических предпосылках революции и об объективных причинах успехов марксизма в России Раух говорит

⁵² G. v. Rauch. Geschichte des bolschewistischen Russlands. Wiesbaden, 1955. Георг фон Раух выходец из среды немецкого прибалтийского дворянства, начал свою деятельность в 1931 г. статьями по истории Прибалтики, в которых отстаивались идеи, обосновывающие агрессивную германскую империалистическую политику по отношению к России и к Прибалтике («культурная миссия» и «руководящая роль» немцев на востоке Европы, противопоставление Востока Западу и т. п.). Эти же идеи, а также фальсифицированное освещение национального вопроса в СССР находятся в центре последующей деятельности Рауха, которая подробно рассматривается в статье двух историков ГДР — А. Андерле и З. Квилича: A. Anderle und S. Quilitzsch. G. v. Rauch — ein Ideologe des faschistischen «Dranges nach Osten» und Verfechter der anti-sowjetischen NATO-Politik. In: Zeitschrift für Geschichtswissenschaft (ZfG), 1960, № 7, 1525—1550. (На русском языке: «Бывший зондерфюрер в погоне за „исторической правдой“». История СССР, 1961, № 1, стр. 202—212).

очень мало. Об аграрном вопросе он пишет лишь, что «давно назревшее освобождение крестьян было проведено опрометчиво. Крестьянское население, получив личную свободу, не получило возможности для своего экономического развития. Недовольство сельского пролетариата давало основание для революционной агитации» (стр. 20). Итак, все дело в «опробитости» тех, кто проводил реформу. Раух игнорирует тот непреложный факт, что аграрные реформы, проводимые монархами и помещиками, осуществлялись ими в собственных классовых интересах; для крестьян же эти вынужденные реформы были связаны с изменением форм эксплуатации и, в известной мере, с ее усугублением.

«Предпосылками для распространения марксистских идей, — пишет далее Раух, — был скачок к индустриализации, начавшейся в 1892 г., и безудержная эксплуатация рабочих» (стр. 25—26). Раух вынужден признать, что правящие классы России не сумели решить стоящих перед страной социально-экономических, национальных и политических проблем (стр. 50). Отмечая вскользь, что нерешенность этих проблем привела к первой русской революции и к новому значительному революционному подъему перед войной, Раух приходит к выводу: «... дела обстояли так, что монархия была готова к крушению. Легкомысленным (опять «случайность»!) вступлением в первую мировую войну она сама выкопала себе могилу» (стр. 32—37, 48, 51).

Февральская революция в кривом зеркале Рауха выглядит так: «... в течение февраля усилились демонстрации, поводом для которых был вначале недостаток продовольствия», но о том, под какими лозунгами происходили решающие стачки и само восстание, Раух так и не сообщает. «Решающими для свержения самодержавия были два фактора: переход войск на сторону народа и присоединение к революции Государственной Думы, создавшей 27 февраля Исполнительный Комитет, присвоивший себе диктаторские права... 27 февраля развязало также все революционные инстинкты улицы».

Так кто же к кому «присоединяется»? Народ ли, которого его ненавистник Раух называет «улицей», «присоединился» к действиям Думы, или Дума, которой не удалось «революцией сверху» предотвратить народное выступление, стала на почву свершившихся фактов? Если бы Раух хотя бы в немногих словах обрисовал действительный ход народного восстания, которое смело царизм, то тогда его читатели поняли бы, какое кощунство говорить о действиях Думы как об одном из «решающих факторов свержения самодержавия».

В искажении исторической правды при освещении вопроса о Февральской революции Раух идет дальше многих буржуазных историков, которые «ограничиваются» замалчиванием руководя-

щей роли партии большевиков в руководстве действиями рабочего класса в этот период; Раух этот факт попросту грубо отрицает.

Однако умолчать о созданных народом Советах он все же не может: «Большое значение имело создание в тот день (27 февраля) по образцу 1905 г. паряду с Исполкомом Думы и Исполкома рабочих и солдатских Советов». Характеризуя Советы как форму организации, созданную самими народными массами, Раух вынужден признать, что «моральный авторитет и сила Советов базировались на чувстве тесной связи с избирателями и на объединении законодательных и исполнительных функций» (стр. 63). Но это объективное замечание понадобилось ему лишь для того, чтобы в следующей фразе охарактеризовать Советы как «сильные по отношению к Временному правительству, но слабые по отношению к небольшим дисциплинированным организованным группам».

Однако любой представительный орган проводит политику той партии, которой принадлежит в нем большинство. В период, когда большинство в Советах принадлежало эсерам и меньшевикам, Советы проводили политику поддержки Временного правительства, само воздвигание которого стало возможно лишь благодаря этой поддержке. Обо всем этом Раух умалчивает, хотя, как мы видели, о соответствующих фактах он мог бы прочесть даже у некоторых буржуазных историков. Раух же пытается создать у читателя впечатление, будто бы с первого дня революции и до создания первого коалиционного правительства между эсеро-меньшевицким Петроградским Советом и Временным правительством велась серьезная борьба.⁵³

Подчеркивая свою симпатию к членам Временного правительства, Раух вынужден все же признать полную несостоятельность и антинародный характер политики этого правительства как до вступления в него соглашателей, так и после.⁵⁴ Поэтому он признает также и то, что «вступление меньшевиков и эсеров во Вре-

⁵³ «Начиная с 27 февраля между двумя Исполкомами (Совета и Думы, — В. В.) началась борьба за благоволение народа» (стр. 61), — пишет на своем жаргоне Раух.

⁵⁴ «Хотя это были достойные уважения, образованные и патристически настроенные люди (пишет он о первом составе Временного правительства), — они ни в малейшей степени не соответствовали тем задачам, которые им надо было решить в новой и бурной обстановке». Они «не имели подлинного контакта с народом», «Временное правительство представляло крупную буржуазию, стремившуюся к политической, а не к социальной революции. Однако в России был настойчиво необходим если не социальный переворот, то ряд социальных реформ, в том числе решение аграрного вопроса и рабочее законодательство» (стр. 62). Между тем крестьяне были недовольны затяжкой решения аграрного вопроса (стр. 74, 79), «политика правительства и в новом составе могла быть только политикой продолжения войны» (стр. 74). И в национальном вопросе Временное правительство продолжало политику самодержавия (стр. 125).

менное правительство способствовало их дискредитации в глазах масс» (стр. 74). Однако в полном противоречии с этими вынужденными признаниями Раух пишет, что «вина Керенского не в том, что после Февральской революции он вел Россию по неверному пути, а в том, что он вел ее по этому пути недостаточно энергично. Россия нуждалась в 1917 г. в русском Кромвеле, но судьба ей в этом отказала» (стр. 99). Поражение сил, стремившихся в 1917 г. в России к «либерально-демократическому решению», Раух объясняет тем, что сторонникам этого решения, так же как и умеренным социалистам, не хватало последовательности и решительности (стр. 102).

Но чему же в таком случае должен читатель верить в книге Рауха? Тому ли, что Временное правительство, выражая интересы крупной буржуазии, своей антинародной политикой пагромаждало одну «ошибку» за другой или тому, что Временное правительство должно было идти по этому ошибочному пути более последовательно и энергично?

Излагая «Апрельские тезисы» В. И. Ленина, Раух умалчивает о первых двух тезисах, в которых В. И. Ленин дал глубокий анализ текущего момента, обосновав, в частности, отрицательную позицию партии большевиков по отношению к войне, которая и после Февральской революции продолжала оставаться империалистической. В изображении же Рауха одно из центральных положений тезисов заключалось в отказе от всякого сотрудничества с умеренными социалистами, чего в действительности ни в тезисах, ни в практике большевистской партии не было (стр. 69—70). Раух умалчивает об изложенной В. И. Лениным тактике терпеливого разъяснения народу политической обстановки и задач революции с целью мирного перехода власти в руки Советов. Подобное искажение «Апрельских тезисов» понадобилось Рауху для того, чтобы «обосновать» и оправдать смакуемое им враждебное отношение соглашателей к позиции В. И. Ленина. Борьба народа за его кровные интересы именуется Раухом «апархизмом». Всякой нормализации обстановки, всякому удовлетворению либерально-демократическими свободами, — клеветает Раух, — необходимо было воспринять. В действительности же В. И. Ленин, выражая удовлетворение тем, что «Россия сейчас самая свободная страна в мире из всех воюющих стран»,⁵⁵ разъяснял, что Временное правительство в силу своей империалистической природы неспособно (и жизнь это подтвердила) провести даже либерально-демократические реформы, отвечающие интересам масс. Призвав, что массы видели в Ленине выдающегося и твердого выразителя их интересов (стр. 71), Раух хочет заставить своих читателей в этом

⁵⁵ В. И. Ленин. Соч., т. 24, стр. 4.

усомниться, хотя, разумеется, никакими аргументами Раух подкрепить свою позицию не может.

Июльские события Раух изображает в качестве «путча» большевиков, хотя для «объективности» он упоминает об оценке этих событий, данной на VI партийном съезде, выражая при этом свое сомнение. Доказательства? Никаких. Он не излагает и даже не ссылается на материалы съезда, где (в докладе и в выступлении Н. И. Подвойского) подробно прослеживается ход событий со 2 по 6 июля и убедительно доказывается, что руководство партии большевиков, исходя из соотношения сил в масштабе страны в целом, всемерно старалось удержать массы от попыток захватить власть. Как было констатировано в докладе, «ни одной попытки захватить хоть одно учреждение не было». ⁵⁶ Кровопролитие же было вызвано нападением контрреволюционеров на демонстрантов. Представители с мест говорили на съезде, что о событиях 3—5 июля в Петрограде они узнали с опозданием и что события эти застали их врасплох. ⁵⁷ Но Рауху нет дела до всех этих фактов. С тем большей легкостью берет он историческую правду под сомнение и высказывает «предположение», будто бы большевики рассчитывали, что восстание, подготовленное их пропагандой, вызовет всенародный подъем, который приведет к большевизации Советов.

Грубо искажая смысл заявления В. И. Ленина на I съезде Советов о том, что партия большевиков «готова взять власть целиком», Раух утверждает, будто бы июльские события доказывают обратное (стр. 75). Но ведь В. И. Ленин, как это ясно из его речи, говорил не о силах партии для вооруженного захвата власти, а о том, что партия большевиков имеет четкую политическую и экономическую программу действий, которая соответствует интересам народа и осуществление которой способно вывести страну из кризиса. ⁵⁸

Говоря далее об углублении экономического кризиса летом и осенью 1917 г. и об ухудшении положения народных масс, Раух, разумеется, умалчивает о саботаже капиталистов.

Признавая, что корниловский мятеж был попыткой установить военную диктатуру, Раух скрывает от читателей, что целью корниловщины была кровавая ликвидация всех завоеваний революции (стр. 79—83). Ничего не узнает читатель из книги Рауха о том, ради чьих классовых интересов поднял мятеж Корнилов, об участии в заговоре Корнилова самого Керенского и дипломатических

⁵⁶ Шестой съезд РСДРП (большевиков). Август 1917 г. Протоколы. М., 1958, стр. 17—20. Первое издание протоколов было опубликовано в 1927 г. и Раух вполне мог им воспользоваться.

⁵⁷ Там же, стр. 53, 58.

⁵⁸ См.: В. И. Ленин. Соч., т. 25, стр. 3—28.

представителей союзников, а также о том, что разгром корниловщины был осуществлен под руководством партии большевиков. Но ведь именно это последнее обстоятельство и объясняет тот факт (который не может не признать Раух), что после поражения мятежа «подлинно выигравшими были большевики».

Объясняя причины поражения корниловщины, Раух ставит знак равенства между отпором народных масс и посредственностью главаря мятежников — Корнилова, который, мол, «не был создан для того, чтобы быть диктатором». Раух не хочет признать, что при том соотношении сил между реакцией и народными массами, руководимыми большевистской партией, которое было в России в 1917 г., военная диктатура монархистов не имела ни малейших шансов на успех (при правильной, разумеется, политической линии партии большевиков). Но Раух не может скрыть, что поражение Корнилова было одновременно и поражением Керенского. «Крушение его (Керенского, — В. Б.), основывающееся на половинчатостях системы, приближалось».

Излагая события в период от февраля к октябрю, Раух нигде не дает четкого, развернутого определения движущих сил революции. Он говорит лишь о массах вообще, всячески подчеркивая при этом свое враждебное отношение к народу, поднявшемуся на революцию.

Раух приходится неоднократно признавать, что влияние партии большевиков в народных массах после Февральской революции неуклонно росло. Он отмечает, в частности, что массовая июньская демонстрация в Петрограде прошла почти исключительно под лозунгами большевиков, что после разгрома корниловщины на дополнительных сентябрьских выборах в Петрограде большевики получили в Совете свыше 50% всех мест и что они все больше завоевывали армейские Советы (стр. 74, 85). Признает Раух и то, что большевики выступали в качестве подлинных защитников интересов народных масс. Поэтому Раух впадает в противоречие, когда голословно утверждает, будто бы в Октябрьской революции власть взял в свои руки не рабочий класс, а большевистская партия (стр. 91). Раух прикидывается незнающим, что государства управляются партиями, которые проводят политику, соответствующую интересам того или иного класса. Как ни клеветает и как ни изворачивается Раух, а он не может опровергнуть того, что политика большевистской партии соответствует интересам народа.

Посмотря на то что о гражданской войне в книге Рауха имеется отдельная глава, тщетно было бы искать в ней освещения роли народных масс на фронте и в тылу. Призывая, что гражданская война и интервенция довели страну до тяжелого экономического кризиса, он тут же спешит добавить, что в этом виновата не

только война, но и «излишне поспешный процесс национализации» (стр. 173). О саботаже капиталистов он не говорит ничего. Признавая, что военный коммунизм был вызван к жизни потребностями войны, он говорит лишь об отрицательных сторонах этой политики. При этом остается непонятным, каким же образом эта политика дала возможность Советскому государству выдержать и отбить натиск всех своих врагов.

Начиная главу о гражданской войне с того, что она «обязана своим возникновением национальным, социальным и партийно-политическим причинам», Раух каждую из этих причин извращает: сепаратистские устремления буржуазии национальных меньшинств бывшей Российской империи Раух изображает в качестве стремлений окраинных народов, а социальной причиной возникновения гражданской войны считает «открытую оппозицию Советскому правительству» зажиточных слоев крестьянства, которая возникла после того, как «большевиками были занесены в деревню лозунги классовой борьбы» (стр. 115).

Позицию основных масс крестьянства он характеризует как пассивную. Читателю предлагается поверить Рауху на слово, что крестьянство отнеслось пассивно к декрету о земле, который удовлетворял его вековые чаяния, и что классовая борьба была привнесена в деревню извне лишь пропагандой большевиков. В действительности же классовая борьба между беднотой и кулаками обострилась еще в период столыпинской реформы.⁵⁹ Борьба кулачества против аграрной и продовольственной политики Советской власти еще больше обострила эту борьбу. Помощь бедноте большевиков и рабочего класса, создание комитетов бедноты повысили сознательность и организованность беднейших слоев деревни и высвободили из-под влияния кулаков ту часть бедноты, которая находилась еще под этим влиянием.⁶⁰ Таким образом был упрочен союз рабочего класса с беднейшим крестьянством, к которому в ходе гражданской войны после некоторых колебаний примкнуло и среднее крестьянство, без чего победа в гражданской войне была невозможна.

В конце главы о гражданской войне Рауху пришлось признать, что «белые потерпели поражение потому, что они, в отли-

⁵⁹ Подробно эти вопросы освещены в марксистских работах: Н. Карпов. Аграрная политика Столыпина. Л., 1925; С. М. Дубровский. Столыпинская реформа. Капитализация сельского хозяйства в XX веке. Изд. 2-е. М., 1930.

⁶⁰ См.: В. И. Ленин. Соч., т. 28, стр. 152—158; 271—291; Аграрная политика советской власти (1917—1918). Документы и материалы. М., 1954; В. Сторожев. Союз рабочего класса и беднейшего крестьянства в социалистической революции. М., 1954, гл. 3; В. Г. Герасимюк. Начало социалистической революции в деревне. М., 1958.

чие от большевиков, не имели конструктивной программы, которая соответствовала бы политическим и социальным надеждам масс» (стр. 165).

Раух хочет ограничиться полуправдой: он сказал о том, чего у белых не было, но он не говорит о том, во имя чего они воевали. Он не хочет сказать, что социальной причиной гражданской войны было не только сопротивление кулачества Советской власти, которая повела решительную борьбу с его эксплуататорскими, захватническими и спекулятивными действиями, но и прежде всего стремление помещиков отнять у крестьян землю, стремление капиталистов сохранить свою собственность и свои эксплуататорские доходы, стремление тех и других сохранить свою власть над народом. Вместо этого Раух заводит разговор о демократии: он заявляет, будто бы «партийно-политической предпосылкой» гражданской войны был протест против «узурпаторов»-большевиков, разогнавших учредилку. Даже коллега Рауха О. Анвайлер (не меньший враг Советского Союза и коммунизма, чем Раух) пишет, что «в народе почти полностью отсутствовал протест против захвата власти большевиками. . . Большое значение имело то, что в ренающих вопросах о земле и мире большевики далеко предупредили решение Учредительного собрания».⁶¹ Однако Анвайлер тоже хочет отделаться небольшой долей правды, а вся правда состоит в том, что народ не только не протестовал против создания Советского правительства, а восторженно его приветствовал и самоотверженно защищал от всех врагов. Анвайлер, подобно многим другим реакционным историкам-антикоммунистам, допуская высказывания, содержащие долю правды, использует это для того, чтобы, прикрываясь мнимой объективностью, протащить главные для него, политически враждебные Советскому государству клеветнические утверждения.

Предпринимая империалистический пересмотр⁶² широко распространенного в буржуазной историографии взгляда насчет того, что в 1917 г. в России не было условий для буржуазной демократии, для которой, мол, русский народ еще не созрел и которая вообще чужда русскому национальному характеру,⁶³ Раух не

⁶¹ O. Anweiler. Die Rätebewegung in Russland 1905—1921. Leiden, 1958, S. 273. Анвайлер — «остфоршер» младшего поколения. См. о нем и о его книге рецензию Е. А. Беляева (История СССР, 1960, № 5).

⁶² Об империалистическом пересмотре основных концепций германской реакционной историографии см.: E. Hoffmann. Zur Entwicklung und Rolle der westdeutschen Geschichtsschreibung. Zeitschrift für Geschichtswissenschaft, 1960, H. 8, S. 1813.

⁶³ См.: Anweiler. Die Rätebewegung in Russland. . . , S. 273. Эту точку зрения разделяют наиболее известные на западе «советологи»: В. Чемберлин в США, Э. Карр в Англии. См.: W. H. Chamberlin. The Russian Revolution. 1917—1921. V. 1—2, N. Y., 1935, v. 1, p. 370. Работа

скрывает своих целей. Он пишет, что «отказ от признания возможности установления в России в 1917 г. демократии (буржуазной демократии, — В. Б.) равносильен отказу русскому народу в наличии у него каких бы то ни было освободительных стремлений» (стр. 102). С этим пересмотром одной из основных концепций реакционного «остфоршунга», согласно которой победа и упорочение диктатуры пролетариата в СССР объясняются особенностями русского национального характера, связана и критика Раухом гитлеровской политики во временно оккупированных районах Советского Союза в период войны (стр. 420—422). Таким образом, Раух пытается измыслить новую идеологическую базу для агрессивной империалистической политики германских монополистов по отношению к Советскому Союзу, провозглашая политику «освобождения» народов Советского Союза от коммунизма.⁶⁴

Поэтому задача советских историков заключается в том, чтобы, разоблачая реакционность, антинаучность, необъективность и лживость «ученых трудов» Рауха и ему подобных, способствовать освобождению немецких читателей от их влияния с тем, чтобы не дать раухам вновь увлечь немецкий народ на путь «дранг нах остен». Путь войны, подготовить которую стараются раухи, может привести немецкий народ лишь к непоправимой и окончательной катастрофе.

* * *

Книги, из содержания которых нами рассмотрен примерно одинаковый круг вопросов истории СССР 1917—1920 гг., рассчитаны на широкие круги читателей. По этим книгам (хотя, разумеется, не только по ним) немецкие читатели составляли свое мнение по важнейшим проблемам истории нашей родины и о советском социалистическом строе вообще. А. Фрайтаг-Лорингхофен, Г. Экардт, Э. Ханип и Г. Раух преподносили, кроме того, свои взгляды с университетской кафедры, а Георг фон Раух и доныне отравляет сознание западногерманской

Чемберлина считается одной из основных в буржуазной «советологии». Она переиздана в 1952 г. и переведена на немецкий язык в 1958 г.; E. H. Carr. The Bolshevik Revolution, vol. 2. London, 1950, p. 121. (Цит. по книге Рауха (стр. 102), который по данному вопросу возражает Карру).

⁶⁴ A. Anderle und S. Quilitzsch. G. v. Rauch — ein Ideologe des faschistischen «Dranges nach Osten» und Verfechter der antisowjetischen NATO-Politik. In: ZfG., 1960, H. 7, S. 1536—1542. (На русском яз.: в Истории СССР, 1961, № 1, стр. 207—211).

молодежи в Марбургском университете. Рассчитанные на широкие круги читателей книги по истории России и СССР, опубликованные в ФРГ в 1956—1960 гг., написаны в основном «по Рауху».

Источниковедческая база разбираемых в статье работ состоит в основном из антисоветских источников, что уже само по себе свидетельствует о тенденциозном отношении авторов к предмету своего «исследования».

Все авторы, о которых идет речь в статье, отмечают гнилость царского самодержавия, все они (хотя и очень кратко) упоминают о глубоких социальных противоречиях в царской России и о подъеме революционного движения в стране перед первой мировой войной. Тем не менее все они изображают Февральскую революцию как чисто стихийную революцию, не показывая, как она выросла из борьбы масс, и игнорируя или даже отрицая руководящую роль в ней партии большевиков. Однако ни один из этих авторов не решается утверждать, что свержение самодержавия произошло исключительно из-за войны.⁶⁵ Полную несостоятельность царизма, а затем Временного правительства и партий, на которые оно опиралось, а также белогвардейцев буржуазные историки признают «охотнее» всего; защищать всех этих потерпевших поражение врагов революции было бы слишком бесперспективной и не сулящей «рыцарям холодной войны» никаких политических выгод работой.⁶⁶

Фрайтаг-Лорингофен и Экардт признают объективную историческую обусловленность победы пролетарской революции в России. Подобное же мнение высказывают и некоторые другие буржуазные авторы.⁶⁷

⁶⁵ Наиболее рьяно отстаивают (совершенно голословно) эту ошибочную точку зрения Г. Тимм и Э. Хельцле (G. Timm. Rätzel Russlands. Stuttgart, 1952; E. Hölzle. Lenin, 1917. Die Geburt der Revolution aus dem Kriege. München, 1954).

⁶⁶ Антинародный характер политики Временного правительства вынуждены признать также следующие авторы: A. Hedenström. Geschichte Russlands von 1878 bis 1918. Stuttgart und Berlin, 1922, S. 326; W. Gurian. Bolschewismus. Berlin, 1932, S. 42; R. Moeller. Von Rurik bis Stalin. Leipzig, 1943, S. 312; O. Hoetzsch. Grundzüge einer Geschichte Russlands. Stuttgart, 1949, S. 177, 178; P. Sethe. Kleine Geschichte Russlands. S. 127; I. Neander. Grundzüge der russischen Geschichte. Darmschadt, 1956, S. 103; E. Lemberg. Osteuropa und Sowjetunion. Geschichte und Probleme. Salzburg, 1956, S. 154—157; G. Hilger. Stalin. Aufstieg der UdSSR zur Weltmacht, S. 30. Антинародные цели политики белогвардейцев вынуждены признать: R. Moeller. Von Rurik bis Stalin, S. 323; P. Sethe. Kleine Geschichte Russlands, S. 132—133.

⁶⁷ Так, например, А. Хольфельд пишет: «Средствами капиталистической военной интервенции нельзя было уничтожить власть, которая

Однако необходимо подчеркнуть, что употребление буржуазными и реформистскими историками формулировок «историческая обусловленность», «необходимость», «неизбежность», «законмерность» и тому подобных не означает признания ими законмерности революционной смены общественно-экономических формаций в качестве универсального закона развития человеческого общества. Они имеют в виду лишь ограниченную временем и местом причинную историческую обусловленность, т. е. рассматривают победу Октябрьской революции как неизбежный результат соотношения и борьбы тех конкретных сил, тех реальных объективных и субъективных факторов, которыми характеризовалась обстановка в России в 1917 г.

Многие буржуазные и реформистские историки, заявляющие, что победа Октябрьской революции была исторически неизбежна, объясняют эту победу в основном лишь слабостью русской буржуазии.

Фрайтаг-Лорингхофен и Экардт, которые хотя и признают объективную неизбежность пролетарской революции в России в 1917 г., занимают, однако, в этом вопросе непоследовательную позицию, поскольку, руководствуясь своим идеалистическим мировоззрением, не показывают исторической обусловленности банкротства политики русских господствующих классов.

Еще более отчетливо выраженную идеалистическую и непоследовательную позицию занимает Раух с его рассуждением о «Кромвеле, в котором судьба отказала России». Обладая, по его мнению, Керенский качествами Кромвеля, и стоящие перед Россией в 1917 г. проблемы были бы разрешены «в меньшевистском варианте» (стр. 102). Интересно, что в этом вопросе обнаруживается совпадение взглядов прямого фашиста Рауха, проклиняющего социалистическую революцию, и ренегата Артура Розенберга, который демагогически приветствует победу Октябрьской революции и в то же время пытается отстаивать меньшевистский тезис о том, что Россия стояла в 1917 г. лишь перед буржуазно-демократической революцией, которая, по его мнению, могла бы победить и упрочиться, если бы не тактические ошибки меньшевиков и эсеров.

Между тем даже из того немногого, что сказано у Розенберга и Рауха о социальных и политических предпосылках революции в России, и из данной ими же характеристики буржуазно-помещичьих и соглашательских партий вытекает, что победа Октябрь-

утвердилась в результате социальных и экономических условий царской России (А. Hohlfield. Versailles und die russische Frage 1918/1919 S. 76); См. также упомянутую работу И. Неандер, которая пишет об «исторической необходимости победы большевистской партии в 1917 г.» (стр. 105).

ской революции была обусловлена не случайностью, а реальным соотношением объективных и субъективных факторов. К числу последних относится в первую очередь правильная, соответствующая интересам народа и умелая стратегия и тактика партии большевиков. Ход событий в 1917—1921 гг. полностью подтвердил правоту ленинского тезиса о том, что буржуазно-демократические задачи в России могли быть решены лишь как побочные следствия пролетарской революции.

Об экономических проблемах Советской России в 1917—1920 гг. наиболее подробно пишут Экардт и Розенберг и значительно меньше, но еще более неверно Ханиш и Раух. Буржуазные и реформистские историки тщетно ищут мнимых противоречий между политикой Советского правительства и стремлениями и действиями рабочего класса в этот период по вопросу о национализации промышленности. Ответственность за разруху в стране буржуазные и реформистские историки пытаются свалить на экономическую политику Советской власти 1917—1920 гг., игнорируя наследие мировой войны и итоги хозяйничания прежних господствующих классов, «забыв» о том, что они писали о глубочайшем экономическом кризисе 1914—1917 гг. в качестве предпосылки революции. Они замалчивают и саботаж буржуазии (Розенберг, Ханиш, Раух) и влияние гражданской войны (Экардт). Буржуазные историки, работы которых мы разбираем, замалчивают, что военный коммунизм дал возможность отстоять завоевания Великой Октябрьской социалистической революции от всех внутренних и внешних врагов. Преувеличивая недовольство крестьян политикой продразверстки, буржуазные историки впадают в противоречие, ибо все они вынуждены признать, как мы видели, что поражение белогвардейцев в гражданской войне объясняется тем, что крестьянство поддержало Советскую власть.

Роль народных масс в великих исторических событиях, роль масс, которые «пришли в движение», не могут игнорировать даже самые реакционные и враждебные народу историки. Это целиком относится и к реакционным «остфоршерам», о которых идет речь в статье и которые не могут скрыть того, что движущими силами революции в России были рабочие, крестьяне, солдаты.

Но проявлением ненависти и страха перед народом со стороны реакционеров, в частности, в работах Фрайтаг-Лорингхофена, Ханиша и Рауха, является их бессильное брюзжание насчет выступлений «улицы», «анархии», «хаоса», «анархистских инстинктов» масс. Лживость подобных характеристик видна даже из того немногого, что сказано у этих авторов о социальных противоречиях в России, о положении народных масс и о тех жизненно важных для народа интересах, ради удовлетворения которых массы «пришли в движение».

Поскольку одна из политических целей книги Рауха заключается в том, чтобы напугать своих читателей «большевистской опасностью», Раух, игнорируя противоречивость своей позиции, говорит об активности масс, как о прямом результате искусной агитации большевиков и особенно В. И. Ленина. Известно, что попытки объяснить социальные и национальные движения «кознями коммунистов» — типичная позиция наиболее твердолобых реакционеров.

Несмотря на то что в работах буржуазных историков, о которых идет речь в статье, содержится немало данных для вывода о решающей роли масс в истории революции в России, сами они, за исключением перепугавшегося во время революции Фрайтаг-Лорингхофена, подобного вывода не делают. Но и последний подводит своих читателей к идеалистическому выводу о том, что будь царское правительство умнее, то революции можно было бы избежать.

Отказ признать решающую роль масс в событиях, о которых они пишут, неразрывно связан с отказом признать неизбежность пролетарской революции в России (Розенберг, Раух) или с непоследовательной позицией в этом вопросе (Фрайтаг-Лорингхофен, Экардт). Подобная позиция объясняется идеалистическим мировоззрением буржуазных историков и их враждой к пролетарской, народной демократии.

Отсутствием понимания творческой роли масс в истории, мнением о народе лишь как о «пришедшей в движение» стихии объясняется и пренебрежение к деятельности созданных народом организаций — Советов, характерное для рассмотренных работ. Если же реакционные буржуазные историки, как например О. Анвайлер, и берутся за разработку этой темы, то их голословные или основанные на недобросовестном использовании источников выводы преследуют лишь одну цель — извратить сущность и деятельность Советов. Все же буржуазные историки вынуждены по существу признать, что происходившая в период от февраля к октябрю непрерывная большевизация Советов объясняется тем, что только политика большевиков отвечала интересам народа и указывала путь выхода из глубочайшего кризиса, в который свергли страну правящие классы.

Часть буржуазных историков вынуждена признать, что победа Великой Октябрьской социалистической революции была победой народной революции (Фрайтаг-Лорингхофен), установлением диктатуры пролетариата (Экардт, Розенберг), что не мешает им клеветать на последующее развитие Советской власти. Наиболее же реакционные, западногерманские «остфоршеры» — Ханиш и Раух, — не считаясь с тем, что впадают в противоречие с собственными признаниями относительно поддержки массами

большевистской партии и относительно соответствия политики большевиков интересам народа, клеветнически пытаются отрицать, что Октябрьская революция привела к установлению диктатуры пролетариата.

Читатель, умеющий разобраться в подобных противоречиях, знакомый с подлинными фактами истории и с фактами современной действительности, уходящей своими корнями в историю недавнего героического прошлого советского народа, несомненно с презрением отбросит подобную клевету. Помочь читателю разобраться в несостоятельности и противоречивости позиции буржуазных историков в условиях острой борьбы двух мировоззрений — идеологии империализма и всепобеждающего учения о победе коммунизма — важная задача историков-марксистов.
